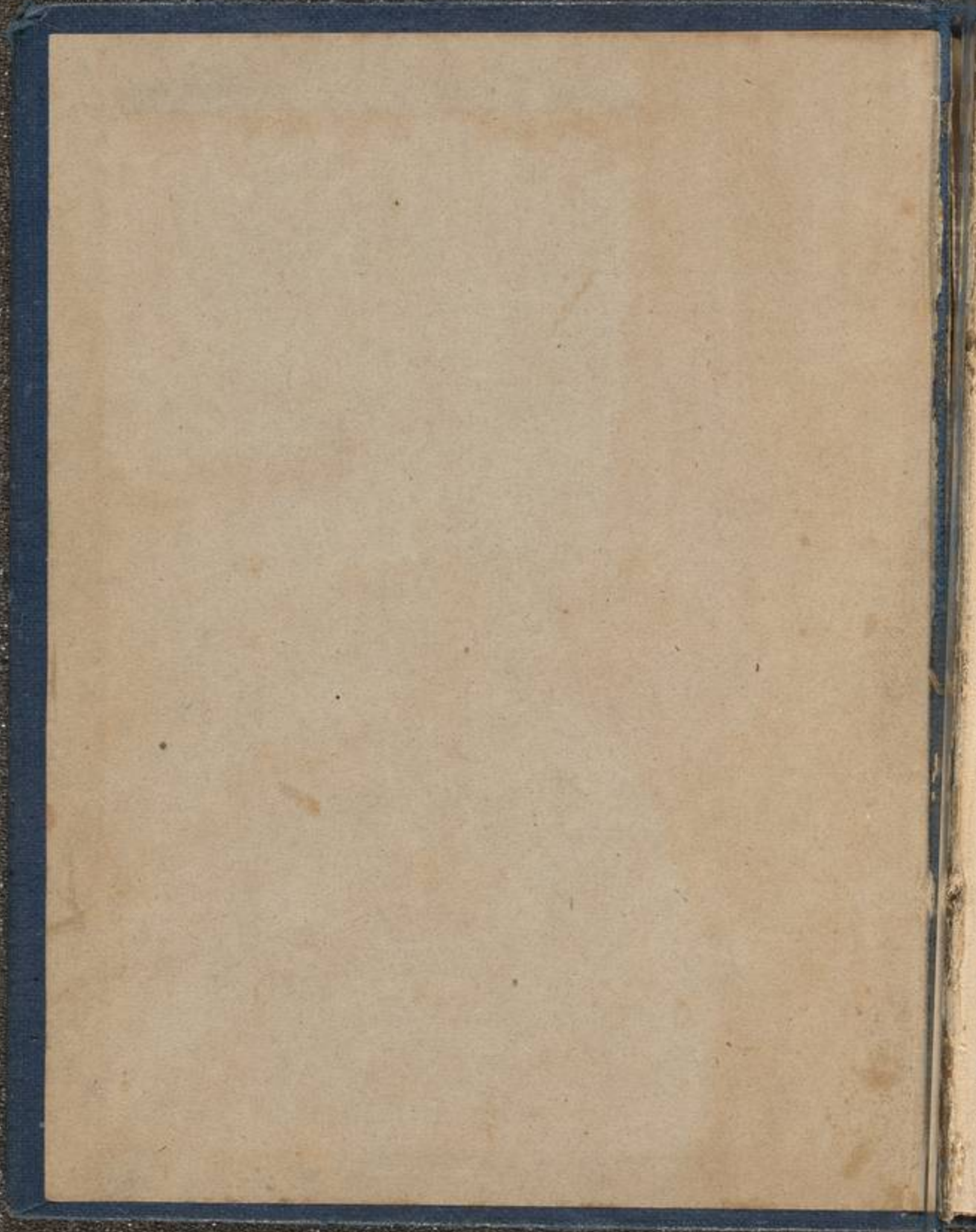

С О Н Я

ВЪ

ЦАРСТВѢ ДИВА

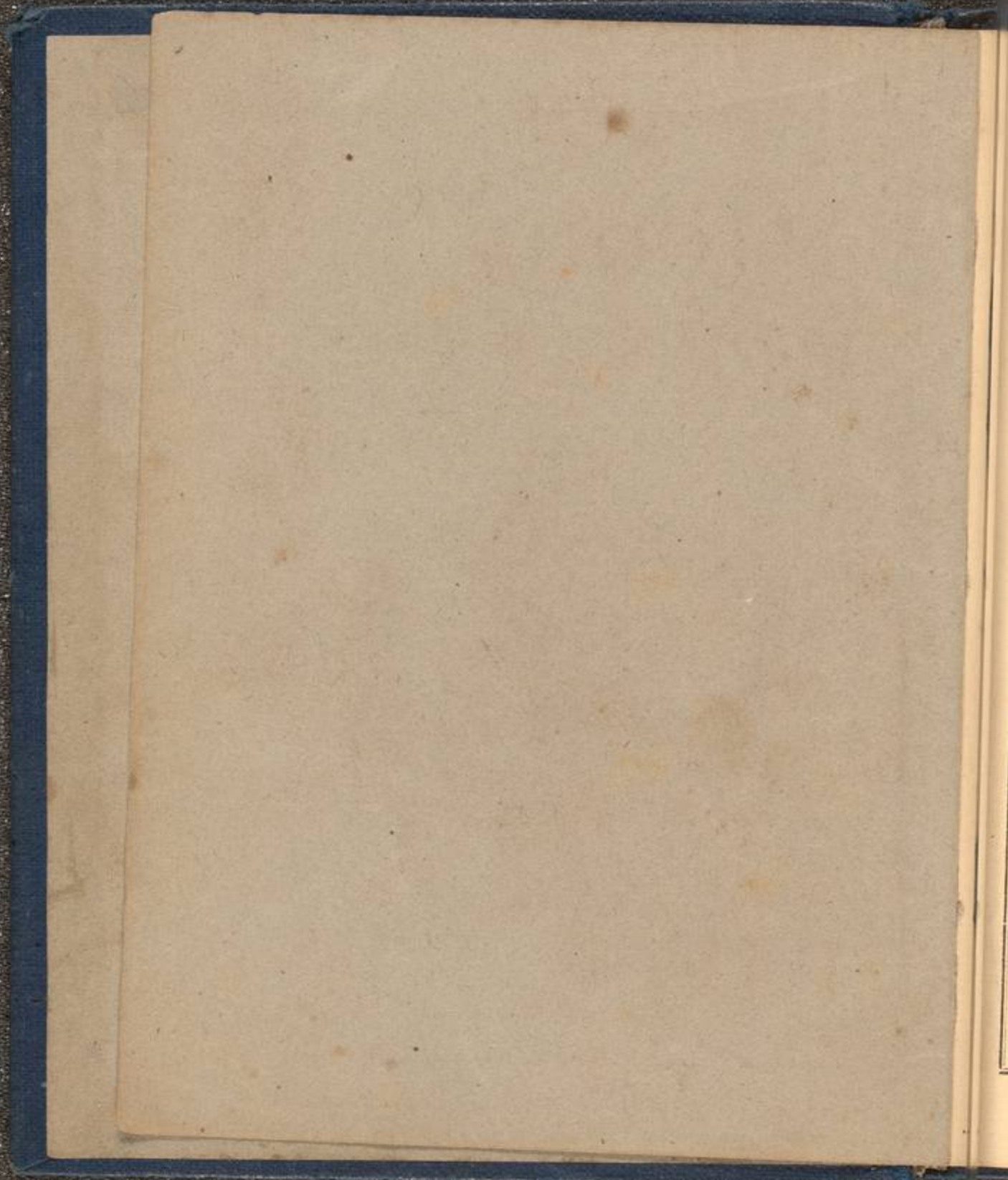

1-25

p

4000

Sofia nel regno delle
meraviglie.

СОНЯ

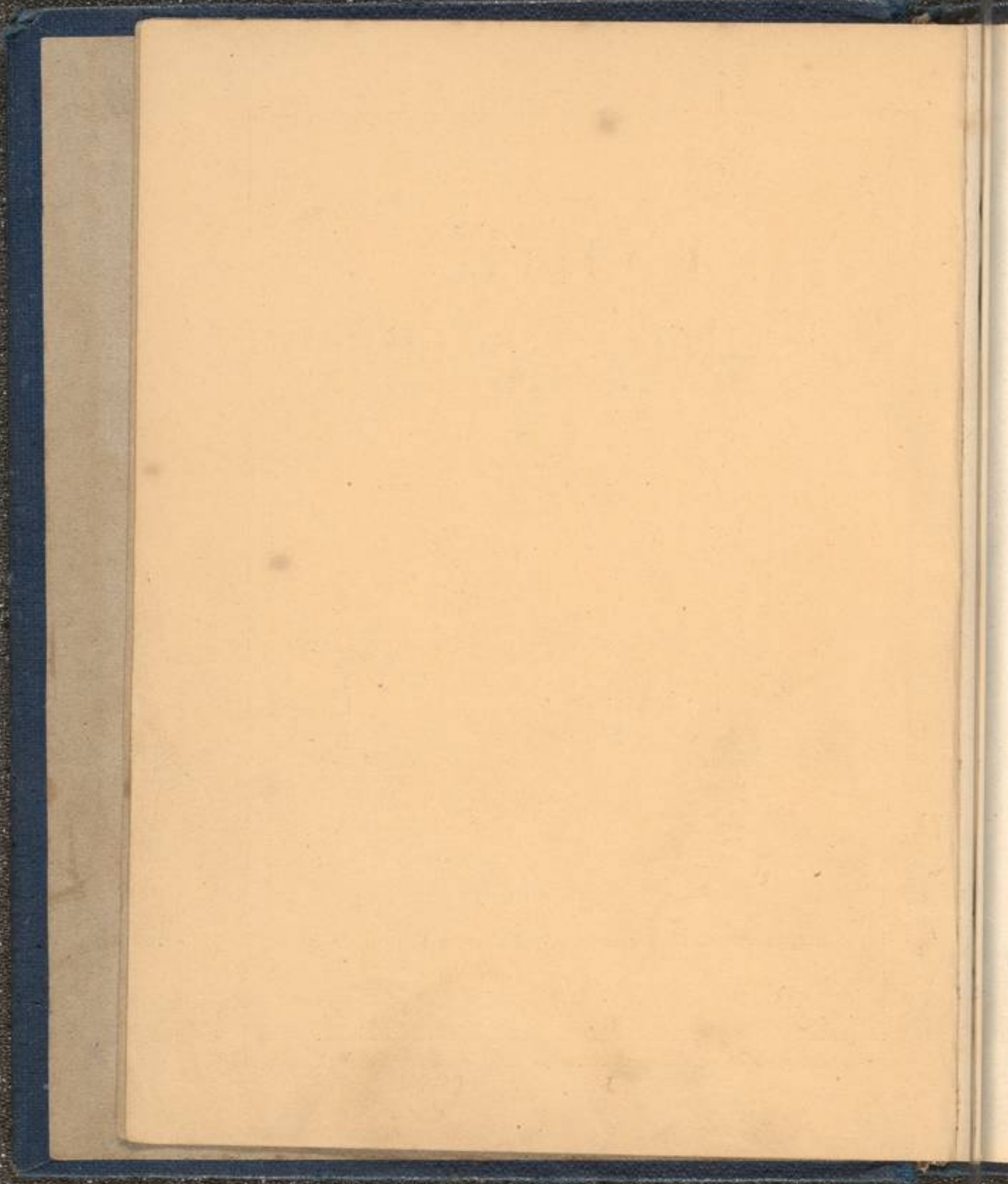
ВЪ ЦАРСТВѢ ДИВА.

МОСКВА.

Типографія А. П. Мамонтова и Б^о, Леонтьевскій пер., № 3.

1879.

СОНЯ
ВЪ ЦАРСТВѢ ДИВА.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 3.

1879.

СОДЪ
ВЪ ПАРСТВА ДНВА

Дозволено цензурою. Москва, 28 октября 1878 года.

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
И. Д. СЫТОВЪ

У КРОЛИКА ВЪ НОРКѢ.

Скучно стало Сонѣ сидѣть безъ дѣла въ саду около старшей сестры. Раза два она заглянула ей въ книгу, — въ книгѣ ни картинокъ, ни разговоровъ. Какая радость въ книгѣ безъ картинокъ и разговоровъ!

День жаркій, душно. Соня совсѣмъ раскисла, ее клонить ко сну; вздумала было плести вѣнокъ, да надо встать, нарвать цвѣтовъ. „Встать или не встать!“ колеблется Соня, какъ вдругъ, откуда ни возмись, бѣжитъ мимо, близехонько отъ нея, кроликъ — шкурка бѣленькая, глаза розовые. Что кроликъ пробѣжалъ — не диво;

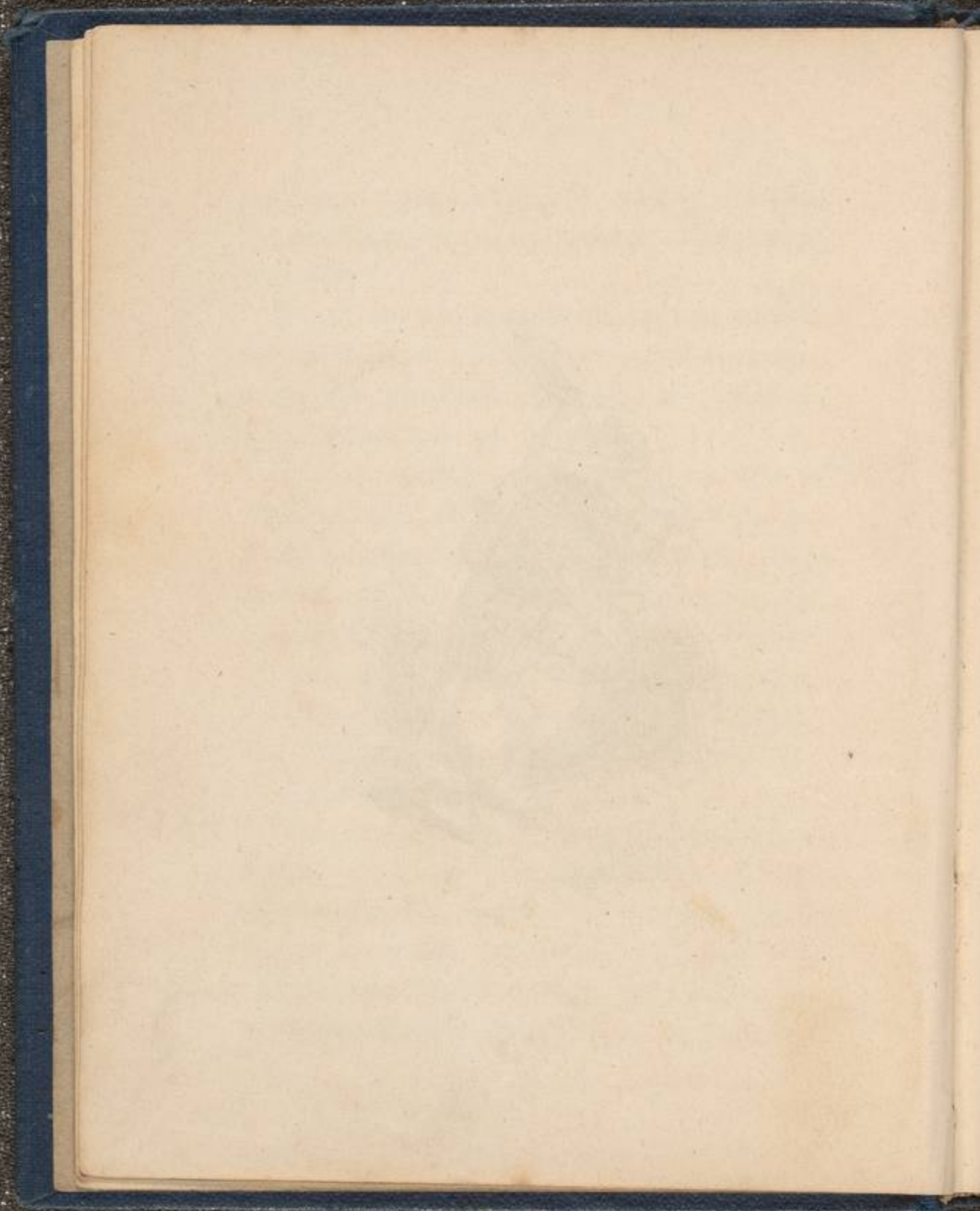
но Соня удивилась, что кроликъ на бѣгу пробормоталъ про себя: „Батюшки, опоздаю!“

Когда же кроликъ досталъ изъ кармана въ жилетѣ часы, взглянулъ на нихъ, и во всѣ лопатки припустился бѣжать, Соня вскочила на ноги.

Чтобы кролики ходили въ жилетахъ, при часахъ!... Нѣтъ, такой штуки она отроду не видывала и не слыхивала! Такъ разгорѣлось у Сони любопытство, что она бросилась за бѣленькимъ въ погоню по полю, и нагнала его какъ-разъ въ пору: кроликъ только-что шмыгнулъ въ широкое отверстіе норки около изгороди. Соня туда же за нимъ.

Сначала дорога въ норку шла прямая; потомъ вдругъ обрывалась внизъ, да такъ неожиданно и круто, что Соня не успѣла опомниться, какъ уже летѣла стремглавъ куда-то, словно въ глубокой колодезь. Взглянула внизъ — зги не видать!

Тогда Соня стала глядѣть по сторонамъ. Видитъ— по стѣнамъ колодца какъ будто шкафы, книжныя полки; на гвоздяхъ кое-гдѣ висятъ атласы, картины.

Все ниже, ниже и ниже спускается Соня. „Когда же этому будетъ конецъ? Любопытно узнать на сколько верстъ я уже провалилась! Эдакъ, пожалуй, я скоро окажусь гдѣ-нибудь около самаго центра земли. Дай, припомню: около 4000 верстъ, кажется, будетъ.“

Соня, видите-ли, уже знала кое-что изъ географіи. „Ну, положимъ“, думаетъ она, „я и спустилась на 4000 верстъ, но подѣ какимъ я градусомъ широты и долготы, — вотъ что всего важнѣе узнать“. Соня, надо замѣтить, не понимала хорошенько смысла *широты* и *долготы*, но слова эти сами по себѣ казались ей такими важными, славными, такъ тѣшили ее. „А что, если я провалюсь совсѣмъ, насквозь всей земли? Вотъ будетъ смѣхъ

очутиться съ людьми, которые ходятъ вверхъ ногами, на головѣ! *Антипатія*, кажется, это мѣсто называется“...

Тутъ Соня стала въ тупикъ: съ этимъ словомъ она не могла справиться, и обрадовалась, что некому было ее подслушать.

„Впрочемъ, о названіи этой страны можно будетъ у нихъ тамъ справиться“, рѣшила она, и стала представлять себѣ, какъ подойдетъ къ кому-нибудь, присядетъ и спроситъ: „скажите, пожалуйста, что это—Новая Зеландія или Австралія?“ Соня даже чуть не присѣла, но какъ тутъ присядешь на воздухъ, летя внизъ!

„Впрочемъ, лучше не спрашивать, а то, пожалуй, примутъ меня за невѣжду! Такъ и быть, не стану спрашивать. Гдѣ-нибудь тамъ у нихъ да будетъ написано.“

Все ниже, ниже и ниже летитъ Соня. Что дѣлать! Она опять принялась бол-

тать. „Вотъ хватится меня Катюша! (Катюша у нея кошка). Надѣюсь, ее кто-нибудь попоить молокомъ за чаемъ. Катюша, милая! Хоть бы ты была здѣсь со мною! Мышей, правда, въ воздухѣ не водится, ну, поймала бы себѣ летучую мышь; вѣдь простая мышь и летучая, я думаю, почти одно и то же? Не знаю только ѣдятъ ли кошки летучихъ мышей? — вотъ что!“... Тутъ Соню стала разбирать дремота, и она то и дѣло повторяетъ: „ѣдятъ ли кошки летучихъ мышей? ѣдятъ ли мышей летучія кошки? ѣдятъ ли кошекъ летучія мыши?“... Соня дремлетъ, и кажется ей будто она ходитъ рука объ руку съ Катюшей и строго допрашиваетъ ее: „Скажи, Катюшка, признайся, ѣдала ты когда-нибудь летучую мышь? смотри, Катюшка, говори правду!“... Вдругъ — стукъ, стукъ, хлопъ! — Соня свалилась на кучу сухихъ листьевъ и сучьевъ, и — стой, ни съ мѣста!...

Однако, она нисколько не ушиблась и тотчасъ вскочила на ноги. Взглянула вверхъ — темно; посмотрѣла впередъ — опять длинный ходъ, а по немъ бѣжить, спѣшить бѣленькій кроликъ. Не теряя минуты, Соня, какъ вихрь, понеслась за нимъ вслѣдъ, нагнала его на поворотѣ, и слышитъ, говорить бѣленькій: „ай, ай, ай, какъ поздно!“ Только Соня повернула за уголь — глядитъ, а бѣленькаго и слѣдъ простылъ, словно провалился!

Соня очутилась одна въ длинной, низкой залѣ, сверху освѣщенной рядомъ лампъ, которыя висѣли съ потолка. По обѣимъ стѣнамъ залы множество дверей; всѣ заперты. Соня прошла по всей залѣ, толкнулась въ каждую дверь, ни одна не отпирается. Она отошла, и стала посреди залы. „Что мнѣ теперь дѣлать? Какъ выйти отсюда?“ грустно думаетъ она.

Соня обернулась и натолкнулась на столикъ. Столикъ этотъ о трехъ ножкахъ,

весь изъ литаго стекла. На немъ лежитъ крохотный золотой ключикъ и больше ничего. „Этимъ ключикомъ должно быть отпирается хоть одна изъ всѣхъ этихъ дверей“, соображаетъ Соня. Взяла ключикъ, пошла примѣрять его ко всѣмъ дверямъ—ни къ одной не приходится,—какъ быть!

Соня обошла залу еще разъ, и набрела на низенькую занавѣску, которую сперва не замѣтила. Откинула занавѣску — за нею дверка верхка въ 4 вышины. Она вложила ключъ въ замокъ—о радость!—ключъ впору; отворила дверку, глядитъ: дверка выводитъ въ корридорчикъ съ мышиную норку; на самомъ концѣ корридорчика чудеснѣйшій садъ. Соня стала на колѣнки, нагнулась, смотритъ, и не налюбуется. Какъ бы она погуляла въ этомъ саду, посидѣла около фонтана.

„Но какъ быть! И головы не просу-

нешь въ узенькую дверку, а голову про-
сунешь, плечи застрянутъ!“

„Когда бы я могла вдвигаться и раз-
двигаться какъ подзорная труба — вотъ
было бы хорошо! Тогда я бы, кажется,
справилась.“

Видя, однако, что нѣтъ пользы стоять
у дверки, Соня воротилась къ столику,
не найдетъ ли на немъ другаго ключика.
На этотъ разъ оказалось на столикѣ
сткляночка съ ярлыкомъ. На ярлыкѣ
крупными, четкими, печатными буквами
была надпись: „Выпей меня!“ „Выпей ме-
ня“, — прочесть не мудрено; но взять,
да такъ и выпить, не посмотрѣвъ, что
пьешь, — нѣтъ не такъ глупа Соня!

„Посмотрю сперва, не написано ли *на-
ружное*“, разсудила она.

Соня вспомнила, что когда на стклянкѣ
написано *наружное*, то значить ядъ; и
если выпить его слишкомъ много, то мо-
жетъ кончиться плохо.

На этой стеклянкѣ, однако, не стояло *наружное* и Соня рѣшилась отвѣдать. Отпила—ничего, вкусно; отзывается чѣмъ-то въ родѣ всякой всячины: будто вишневымъ вареньемъ и яичницей, и ананасомъ, и жареной индѣйкой, и леденцомъ, и сдобными сухарями. Она допила все до капельки.

„Что-то теперь будетъ? Престранное чувство!“ говоритъ Соня. „Да никакъ я стала уменьшаться!...“

Такъ и есть: Соня дѣйствительно становится меньше, да меньше. Отъ нее осталось уже всего вершка четыре и какъ обрадовалась она, вздумавъ, что теперь она ростомъ какъ разъ подходитъ къ дверкѣ, что выводитъ въ чудесный садъ!

Постояла Соня, подождала, не будетъ ли еще чего, не двинется ли еще? „Какъ бы совсѣмъ не двинуться!“ струсила она. „Эдакъ, пожалуй, совсѣмъ исчезнешь,

погаснешь какъ свѣчка“, говоритъ она самой себѣ.

Постояла Соня, видитъ перемѣны нѣтъ, и рѣшила, что тотчасъ отправится въ садъ. Пошла къ дверкѣ, а ключикъ отъ нее забыла на столикѣ; воротилась къ столику — что за горе! никакъ не достанетъ съ него ключа, такая стала маленькая! Видитъ ключикъ сквозь стеклянный столикъ, а добратся до него не можетъ. Что ни дѣлала, какъ ни пробовала, ни хлопотала по ножкамъ взобраться на столъ — ничего не подѣлаешь: скользко. Выбилась изъ силъ бѣдная дѣвочка, съела и горько заплакала.

„Ну, разревѣлась!“ вдругъ спохватилась Соня. „Совѣтую тебѣ сейчасъ перестать!“ рѣзко и строго унимаетъ она себя. Соня, надо замѣтить, была вообще мастерица угощать себя не только совѣтами, но иной разъ даже и щелчками. Шли ли они ей въ прокъ — другое дѣло.

И теперь она было пустилась въ разговоръ съ собою, но тотчасъ бросила, утерла слезы и стала озираться на всѣ стороны. Вдругъ, видитъ подъ стекляннымъ столикомъ лежитъ хрустальный ящичекъ. Она открываетъ его—въ немъ пирожокъ. На пирожкѣ красиво выложены изъ коринки слова: „съѣшь меня!“

„Пожалуй, съѣмъ“, рѣшила Соня. „Если выросту, достану ключъ; а стану еще меньше, пролезу подъ дверь. Чтобы ни было,—лишь бы выбраться въ садъ.“

Соня откусила пирожка, съѣла кусочекъ и страхъ ее разбираетъ. „Что-то будетъ! Куда иду? Вверхъ или внизъ?“ Она подняла руки подъ головой, щупаетъ вверхъ или внизъ она уходитъ? Что за чудеса! Голова на мѣстѣ, никуда не уходитъ! Странное, однако, дѣло! думаетъ Соня. Отъ пироговъ, правда, никогда ничего не бываетъ особеннаго; но за это время съ нею было столько диковиннаго,

что ее словно озадачило, и даже нѣсколько обидѣло, что съ нею не дѣлается ничего особеннаго.

Она опять принялась за пирогъ и дочиста съѣла его.

СЛЕЗНАЯ ЛУЖА.

„Чуднѣе и распречуднѣе“, закричала Соня! Отъ удивленія она даже путалась въ словахъ, и выражалась какъ-то не по-русски. „Вотъ тебѣ разъ! Выдвигаюсь теперь, какъ самая большущая подозорная труба! Стой, ноги, куда вы? Никакъ надо проститься съ вами!“ И дѣйствительно, Соня, нагнувшись, едва уже видитъ ноги, такъ онѣ вытянулись и далеко отъ нея ушли. „Ну ужъ теперь никакъ не достану обувать ихъ“, разсудила она и вдругъ стукнулась головой о потолокъ — она вытянулась чуть не на

сажень. Она проворно схватила со стола ключикъ и поскорѣй къ садовой дверкѣ. Бѣдная Соня, опять неудача!—Въ дверь не пройдетъ. Только растянувшись во всю длину, она могла приложиться къ ней однимъ глазомъ и заглянуть въ садъ; но пройти—куда при такомъ ростѣ! не выдержала тутъ Соня, опять расплакалась.

„Постыдилась бы себя, коли другихъ не стыдно! Такая большая, да плачетъ“ (и подлинно большая!). „Ну, будетъ, сейчасъ перестань, слышишь!“ Ни увѣщанія, ни угрозы, ничего не помогаетъ; Соня плачетъ, рыдаетъ, разливается; въ три ручья текутъ у нея слезы, собираются въ порядочно-глубокую лужу, и захватила эта лужа уже съ полъ залы. „Ужь не заколдовалъ ли меня ночью колдунъ, или волшебница!“ подумала Соня. „Дай вспомню, было ли сомною что-нибудь особенное нынче утромъ? Да, будто что-

то было не какъ всегда. Ну, положимъ, я стала не Соней, а кѣмъ-то другимъ; такъ куда же дѣвалась я, настоящая Соня, и въ кого я обернулась?“

Соня стала перебирать всѣхъ ей знакомыхъ дѣвочекъ, не узнаеть ли, въ которую именно она обернулась. „Ужь не стала ли я Аней?—Нѣтъ, не можетъ быть: у Ани волосы длиннѣе моихъ и вьются, а мои совсѣмъ не вьются. И Машей я не стала—я учусь хорошо, и уже много знаю, а Маша учится дурно и ничего не знаетъ. Однако съ моей головой какъ будто что-то неладное дѣлается!... Попробовать развѣ припомнить, знаю ли я впрямь все, что знала. Ну-ка: $4 \times 5 = \dots 12$; $4 \times 6 = \dots 13$; $4 \times 7 = \dots$ Сколько бишь?... эдакъ, пожалуй, и до 20-ти не досчитаешь.... Ну, да что таблица умноженія—это не важно! Посмотримъ, какъ изъ географіи: Лондонъ — столица... Парижа, а Парижъ?..—столица Рима, а Римъ?...

Ну, поздравляю, все вздорь!.. И вправду не обернулась ли я въ Машу? Попробую, какъ со стихами. Ну-ка: „Птичка Божія не знаетъ!“ Соня сложила передъ собою руки, какъ привыкла за урокомъ, и начала. Голосъ ея въ этой пустой залѣ казался глухимъ, хриплымъ, будто не своимъ, а слова всё выходили на выворотъ, и никакъ она не сладить съ языкомъ:

„Киска хитрая не знаетъ
Ни заботы, ни труда:
Безъ хлопотъ она съѣдаетъ
Длиннохвостаго звѣрка.
Долгу ночь по саду бродить.
Какъ бы птичку подцѣпить,
И мурлыча пѣснь заводить,
Чтобъ довѣрье ей внушить.
А какъ утромъ солнце встанеть,
Люди выйдутъ погулять,
Киска сытенькая сядетъ
Морду лапкой умывать.

И все не такъ, все по дурачки!“ гово-

рить бѣдная Соня, и такъ ей досадно, чуть не до слезъ. „И выходить, что я обернулась въ Машу—это такъ вѣрно, какъ нельзя вѣрнѣе! .. Не хочу я быть Машей! Ни за что, ни за что!.. Господи, да что же это такое!“! вдругъ разрыдалась Соня, „хоть бы кто-нибудь просунуль сюда голову! Ужъ мнѣ такъ скучно сидѣть здѣсь одной!...“

Соня опустила голову и, нечаянно взглянувъ себѣ на руки, видитъ, что въ жару разговора съ собою, она и не замѣтила, что она словно таетъ. Соня вскочила, пошла къ столику помѣриться. И то, — ужъ немного отъ нея осталось. „Хорошо сдѣлала, что выбралась изъ воды,“ думаетъ Соня, „а то бы, пожалуй и совсѣмъ растаяла!“ „Теперь въ садъ!“ закричала она и со всѣхъ ногъ бросилась къ двери. Часъ отъ часу не легче!—Дверь опять заперта, а золотой ключикъ опять лежитъ на стеклянномъ столикѣ.

„Это ужь просто изъ рукъ вонь? Гдѣ же мнѣ такой крошечной достать его! Ужь это такъ худо, что хуже и нельзя; терпѣнія моего не стало—вотъ что!“ и съ этими словами Соня поскользнулась—и бултыхъ, по горло окунулась въ соленую воду.

„Потону еще, чего добраго, въ собственныхъ своихъ слезахъ, и будетъ это мнѣ наказаніемъ, что бы я впередъ не плакала, какъ дура.“ Вдругъ, на томъ

концѣ лужи заплескалось что-то. Соня подплыла разузнать, что такое. Она, было, струсила, но потомъ успокоилась и подумала на мышь.

„Точно—мышь. Не заговорить ли мнѣ съ нею,“ думаетъ Соня. „Здѣсь все такъ удивительно, что и мыши, пожалуй, говорятъ; я этому нисколько бы не удивилась. Попробовать развѣ? — Спрось не бѣда. Мышь, мышка! Скажите, пожалуйста, какъ мнѣ выбраться изъ этой лужи? Я совсѣмъ измучилась, плаваю въ ней, да и растаять боюсь!“

Мышь съ любопытствомъ обратилась острыми глазками на Соню, прищурилась, но ничего не отвѣчала.

„Она, можетъ быть, не понимаетъ по-русски,“ думаетъ Соня. „Можетъ быть это мышь французская, пришла въ Россію съ Наполеономъ. Посмотримъ, скажу что-нибудь по-французски.“

Первое, что ей вспомнилось изъ фран-

пузскихъ уроковъ, она и сказала: „*ou est ma chatte?*“

Какъ прыгнетъ мышь однимъ скачкомъ вонъ изъ лужи, стоитъ вся трясется. Соня догадалась, хоть и поздно, что сильно напугала ее. „Ахъ, простите меня, пожалуйста!“ поспѣшила она извиниться, „я совсѣмъ забыла, что вы не любите кошекъ.“

„Не люблю!“ сердито и рѣзко завизжала мышь. „Посмотрѣла бы я какъ ты на моемъ мѣстѣ стала бы цѣловаться съ кошкой.“

„Ужь, конечно, не стала бы,“ вкрадчиво говорить Соня, желая помириться съ мышью. Только, пожалуйста, не сердитесь. Но знаете ли, если бы вы хоть разъ взглянули на нашу кошечку, Катюшу, навѣрное полюбили бы ее. Ужь такая наша Катюша ласковая, такая милашка!„ болтаясь въ лужѣ, напоминаетъ Соня, совсѣмъ забывъ про мышь.“ Ужь

такая эта Катюша у насъ драгоцѣнный звѣрокъ: сидитъ около печки, курлычить, лапки себѣ лижетъ, мордочку умываетъ! И такая она чистенькая, мягенькая, тепленькая! Съ рукъ бы не спустилъ. А какая мастерица ловить мышей... Ахъ, что же это я опять!... пожалуйста, простите!“ спохватилась вдругъ Соня, взглянувъ на мышъ.

А эта стоитъ натопорщенная.

„Ну, теперь ужъ непременно обидѣлась“, думаетъ Соня. „Лучше намъ вовсе объ этомъ не говорить“, успокоиваетъ она мышъ.

„*Намъ!!!*“ закричала мышъ, а сама трясется съ головы до самаго кончика хвоста. „Стану я говорить о такой гадости! Въ нашемъ семействѣ всегда ненавидѣли кошекъ. Гадкій, низкій, подлый звѣрь— вотъ что! И что бы уши мои не слышали, глаза мои не видали!... Прошу покорно меня этимъ не угощать.“

„Не буду, не буду. Давайте разговаривать о другомъ“, предлагаетъ Соня, стараясь придумать, чѣмъ бы развлечь мышь. „Скажите, какое ваше мнѣніе о собакахъ? Любите ли вы собакъ?“ На это мышь ни гу-гу. Соня обрадовалась.

„Есть у насъ, знаете, около дома, премиленькая собачка,“ начинается Соня. „Вотъ ужъ понравилась бы вамъ! Глазки у нея быстрые, острые; шубка темная, кудрявая и ужъ какихъ, какихъ штукъ она не знаетъ! Хозяинъ ея, нашъ староста, не нахвалится Жучкой. Такая, говорить, смышленная, полезная, за сто рублей не отдамъ. Въ амбарахъ у него всѣхъ крысъ, да мы....“

„Ахъ, батюшки, что же это я опять!“ остановилась Соня. И жалко, и совѣстно ей. „Ахъ, какая досада, опять я васъ нечаянно обидѣла!“ Соня оглянулась на мышь, видитъ—удираетъ отъ нея мышь, что есть мочи и такую подняла плескотню въ лужѣ, что страсть!

Тогда Соня тихимъ, мягкимъ голосомъ стала ее къ себѣ звать. „Мышка, душенька, пожалуйста, вернитесь! Право не стану больше говорить о кошкахъ и собакахъ — вижу теперь какъ онѣ вамъ противны.“

Мышь на эти слова тихо стала подплывать къ Сонѣ. Лицо у нея было блѣдно, какъ смерть (вѣрно со злости, подумала Соня); и говоритъ мышь дрожащимъ голосомъ: „Выйдемъ на берегъ; тамъ я расскажу тебѣ повѣсть моей жизни, и ты поймешь тогда, почему я ненавижу кошекъ и собакъ.“

И пора было выбираться изъ лужи: въ ней становилось тѣсно. Въ нее навалилось бездна всякаго народа: были тутъ и утка, и журавль, и попугай, и орленокъ, и кого только не было! Соня поплыла впередъ, всѣ за нею, и цѣлой партіей выбрались на берегъ.

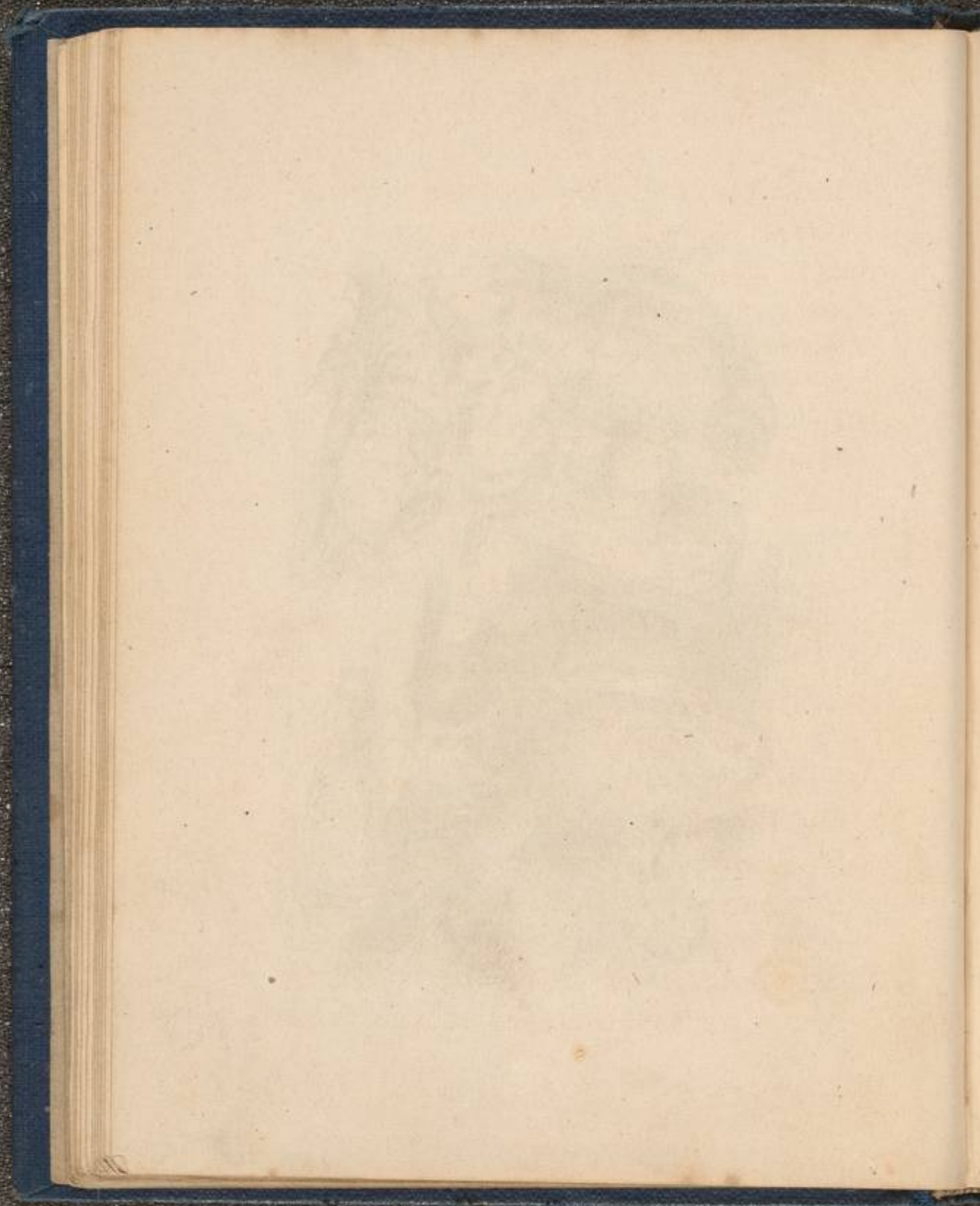

ИГРА ВЪ ГОРЬЛКИ.

Престранное собралось общество на берегу. Птицы все растрепанные, хохлы взъерошенные, перья болтаются по бокамъ; звѣри прилизанные, шубки мокрая насквозь, съ нихъ льетъ, течетъ, и всѣ они, нахохленные, надутые, глядятъ сентябремъ.

Первымъ дѣломъ надо было обсушиться. Стали объ этомъ держать совѣтъ; Соня тутъ же съ ними толкуетъ, рассуждаетъ, ни мало не конфузясь, точно вѣкъ знакома съ ними. Она даже пустилась съ попугаемъ въ споръ, но онъ скоро надулся и зарядилъ одно: „я старше тебя, стало-быть и умнѣе тебя.“ А насколько старше, не хочетъ сказать. Такъ Соня видитъ, что ничего отъ него не добьешься и замолчала.

Тогда мышь вступилась. Она, какъ видно, была между ними важное лицо. „Садитесь и слушайте“, сказала она, „вы у меня скоро обсохнете.“

Всѣ разсѣлись въ кружокъ, мышь посередкѣ. Соня жадно уставилась на нее. „Что-то она скажетъ“, думаетъ она, „поскорѣ бы обсохнуть, а то такъ холодно,—еще простудишься, пожалуй!“

„Ну-съ“, съ достоинствомъ начала мышь, „всѣ ли на мѣстѣ? Сухо же здѣсь, нечего сказать! Прошу покорнѣйше всѣхъ молчать. Было это въ 12-мъ году. Мы съ Наполеономъ шли на Россію, хотѣли брать Москву. Я ѣхала въ фургонѣ съ провіантомъ, гдѣ ни въ чемъ не нуждалась и имѣла очень удобное помѣщеніе въ ранцѣ одного французскаго солдата.“ Тутъ мышь важно приподняла голову и значительно оглянула все общество. „Полководцы у насъ были отличные, привыкли воевать: куда ни пошлютъ ихъ, вездѣ по-

бѣждаютъ. Пошли на Москву, сразились подъ Бородинымъ“....

„Б-р-р-р“, затряся попугай—очень его ужъ пробирало.

„Вамъ что угодно? Вы, кажется, что-то сказали?“ учтиво обратилась къ нему мышь, а сама нахмурилась и сердито водить усами.

„Ничего - съ, я такъ только“, поспѣшилъ отвѣчать попугай.

„Мнѣ, стало-быть, почудилось“, отрѣзала мышь. „Такъ, дальше, продолжаю. Сразились подъ Бородинымъ, одержали побѣду, вступили въ Москву зимовать. Все бы хорошо, не случись бѣды. Москва стала горѣть, а кто поджегъ неизвестно. Русскіе говорятъ на французовъ, французы сваливаютъ на русскихъ—кто ихъ разберетъ. Я въ то время жила во дворцѣ и была свидѣтельницей всего, что происходило“. И мышь опять значительно оглянула общество. „Ну, видитъ На-

полеонъ, что плохо дѣло, собралъ совѣтъ, много толковали и нашли.... Ну что, душенька, обсохла?“ вдругъ обратилась мышь къ Сонѣ.

„Нисколько, мокрехонька, какъ была“, пригорюнившись, отвѣчаетъ Соня.

„Господа“, торжественно выступилъ тутъ журавль, „имѣю предложить засѣданію распуститься для принятія болѣе энергическихъ мѣръ....“

„Говори по русски“, закричалъ на него орленокъ, „изъ твоихъ мудреныхъ словъ я ничего не пойму, да и самъ ты, чай, ихъ, братъ, въ толкъ не возьмешь“. И орленокъ засмѣялся изподтишка; но это замѣтили другія птицы и поднялось хихиканіе.

„Я хотѣлъ только, въ виду общаго блага, предложить игру въ горѣлки; а впрочемъ, какъ будетъ угодно“, нѣсколько обиженно сказалъ журавль.

„Что же это за игра?“ спросила Соня

и только потому, что ей стало жалко журавля, который послѣ выходки орленка стоялъ сконфуженный.

„Чѣмъ пускаться въ объясненія, лучше показать на дѣлѣ“, отвѣчалъ журавль и вышелъ на середину.

Онъ разставилъ всѣхъ по парамъ и не успѣлъ стать въ свою пару, какъ пошла бѣготня безъ толку. Всѣ побѣжали разомъ. Толкотня, путаница, и никто не разберетъ, кому горѣть, кого ловить.

Потолкавшись такъ съ полчаса, они-таки порядочно пообсохли; вдругъ журавль скомандовалъ: „стой, господа, игра кончена!“

Запыхавшись, всѣ обступили его.

Сонѣ стало жарко, она хочетъ достать платокъ, опускаетъ руку въ карманъ и въ немъ оказывается коробочка съ леденцами, къ счастью, не промокшая въ водѣ. Соня вынула коробочку и принялась угощать всю компанію.

Принялись за леденцы, но и тутъ не-
удача. Поднялся шумъ, гвалтъ. Длинно-
носыя, крупныя птицы не справятся съ
леденцомъ, не знаютъ, какъ пропустить
его въ клювъ. Мелкія давятся имъ, —при-
шлось колотить ихъ по спинѣ, чтобы про-
скочилъ. Наконецъ, кое-какъ справились,
успокоились и, разсѣвшись опять въ кру-
жокъ, попросили мышъ рассказать что-
нибудь.

„Вы обѣщались рассказать про себя,
помните“, обратилась къ ней Соня. „Хо-
тѣли рассказать почему вы ненавидите
к... и с....“ шопотомъ добавила она, бо-
ясь опять раздражить ее.

„Ахъ, грустная и длинная повѣсть мо-
ей жизни“, вздохнула мышъ, глядя на Со-
ню.

„Длинная-то, длинная“! подумала Со-
ня, оглядываясь на мышиный хвостъ,
„но почему грустная, любопытно знать,“
продолжала она про себя. Очень сму-

щаль ее этотъ длинный хвостъ, не отор-
ветъ отъ него глазъ и мысли. Мышь раз-
сказываетъ, а Сонъ чудится, что раз-
сказъ ея извивается внизъ по хвосту,
какъ по дорожкѣ, въ слѣдующемъ видѣ:

Однажды Громн-
ло, дво-
ровый
злой
Бесъ,
наско-
чилъ на
мышь;

безъ суда,
безъ
расправы
къ суду

пота-
щилъ:
«Бла-
го дѣла-
мнѣ
нѣтъ»,
гово-
ритъ
онъ
зло-
дѣй:
«безъ
суда и
судей
при-
сужу
тебя
къ
смер-
ти.

„Ты, кажется, не слушаешь?“ строго вдругъ покосилась мышь на Соню. „О чемъ ты думаешь и куда глядишь?“

„Извините, пожалуйста“, поспѣшила оправдаться сконфуженная Соня. „Я все слышала; вы кажется остановились на пятомъ поворотѣ.“

„Ворона!“ яростно взвизгнула мышь.

„Гдѣ, гдѣ! Дайте я поймаю!“ бросилась Соня, не понимая въ чемъ дѣло.

„Какія тутъ вороны!“ еще болѣе взбѣсилась мышь, собираясь уходить. „Вы оскорбляете меня вашими глупыми рѣчами!“

„Право, я не нарочно... Я думала... Мнѣ показалось... Да что же это вы безпрестанно обижаетесь!“ взмолилась Соня.

Мышь только фыркнула въ отвѣтъ.

„Пожалуйста, воротитесь, расскажите дальше“, упрашивала Соня.

„Пожалуйста, воротитесь, расскажите

дальше“, повторили всё за нею хоромъ.

Но мышь не внимала; мотнула только головой, и еще чаще засѣменила ножками.

„Жаль, что ушла“, замѣтилъ попугай, глядя уходящей мыши вслѣдъ.

„Ну, характеръ!“ обратилась жирная старая жаба къ молодой. „Видишь, какъ нехорошо злиться! Пусть тебѣ это будетъ наукой...“

„Ужь, пожалуйста, отстаньте!“ съ сердцемъ прервала молодая лягушка; „вась слушать терпѣнія не хватитъ. Устрица на что дура, и та не выдержитъ—лопнетъ“.

„Была бы Катюшка здѣсь со мною, сейчасъ воротила бы мышь“, сказала Соня вслухъ, но не обращаясь ни къ кому особенно.

„А кто такая Катюшка, позвольте узнать?“ спросилъ попугай.

„Это у насъ такая кошечка Катюша“,

живо начинается Соня. Она радехонька случаю поговорить о своей любимицѣ. „Да какая ловкая мышей ловить! А посмотрѣли бы вы какъ она за птицами! только увидить и цапъ-царапъ—съѣла. Ужь такая мастерица!“

Едва Соня это сказала, переполошились птицы. Нѣкоторыя поспѣшно разлетѣлись.

„И мнѣ, кажется, пора“, затрещала старая сорока, кутаясь въ шаль; „уже смеркается, а у меня горло ужасно боится сырости. Совсѣмъ голосъ пропадетъ!“

„Домой, домой, спать пора!“ зазвенѣла дрожащимъ голосомъ канарейка, сзывая своихъ птенцовъ.

Такъ, понемногу разошлись всѣ и Соня опять осталась одна.

„Лучше бы мнѣ вовсе не поминать о Катюшѣ“, пригорюнившись, сказала она. „Никому-то она здѣсь не мила, а вѣдь

лучше моей Катюши на свѣтѣ нѣтъ! Милая, дорогая, золотая моя Катюшечка! Когда-то мы съ тобою свидимся! Ну какъ никогда!...“

Не выдержала Соня, разрыдалась: такъ скучно и горько стало ей здѣсь одной.

Вдругъ, слышитъ опять топочать чьи-то маленькія ножки. Оглянулась, немышь ли одумалась, идетъ назадъ досказывать длинную повѣсть своей жизни?

КРОЛИКЪ ПОСЫЛАЕТЪ ВАСЬКУ
НА ВРАГА.

Не мышь, а бѣленькій кроликъ топочеть, идетъ не спѣша, озирается по сторонамъ, будто что ищетъ, и пѣходя ворчить: „пропали мы съ вами, ножки мои золотыя; пропали матушка шубка, сударики усики! Загубить, казнить велить червонная краля!... Да куда это онѣ злодѣйки запропастились“!....

Вскорѣ замѣтилъ кроликъ Сою и сердито закричалъ: „Матрена Ивановна, а Матрена Ивановна! Сбѣгайте-ка скорѣй домой, принесите перчатки, да вѣрь; да проворнѣе, проворнѣе же, говорятъ вамъ!“

Соня съ испуга ударилаь бѣжать куда указывалъ кроликъ. „Пусть думаетъ кроликъ, что я Матрена Ивановна; это у него должно-быть кухарка“, рассуждаетъ она сама съ собою. „Вотъ удивится, какъ узнаетъ, что я не Матрена Ивановна!“

Прибѣжала Соня, видитъ: стоитъ маленькій хорошенькій домикъ; на двери прибита мѣдная дощечка; на дощечкѣ написано: „домъ церемонимейстера Кроликовскаго“. Соня, не постучавшись, отворяетъ дверь, вбѣгаетъ на лѣстницу, спѣшитъ отыскать перчатки, вѣреть, сама боится, не встрѣтитъ бы ей эту Матрену Ивановну,—не выгнала бы она ее изъ дому.

„Странно, однако, быть на побѣгушкахъ у кролика!“ думаетъ Соня. „Эдакъ, пожалуй, и Катюшка вздумаетъ меня гонять!!!“

Между тѣмъ она пробралась въ чис-

тенькую, маленькую комнатку: у окна стоит туалетный столикъ; на немъ нѣсколько паръ новыхъ перчатокъ и нѣсколько вѣровъ. Она проворно беретъ съ него пару перчатокъ, вѣрь и собирается выходить, какъ вдругъ, взглянувъ еще разъ на туалетный столикъ, видитъ, у зеркала стоитъ стеклянка, на ней нѣтъ ярлыка съ надписью: „выпей меня“ но Соня думаетъ, не мѣшало бы отпить отъ нея. Откупорила, отпила, „чего я здѣсь ни поѣмъ и ни напьюсь, всегда выходитъ что-нибудь да необыкновенное,“ разсуждаетъ Соня; „посмотримъ, что изъ этого выйдетъ—хоть бы мнѣ вырости! А то право, очень ужъ надоѣло быть такой крохотной!...“ Не успѣла Соня пожелать, глядь, она уже подымается, растетъ выше, выше, да такъ быстро, что въ одинъ мигъ ударила голову о потолокъ и только успѣла нагнуться, чтобы не свернуть шеи.

„Будеть, больше не стану пить,“ сказала Соня и бросила стьянку. „Ну, опять бѣда,—не вылезу теперь изъ двери; напрасно я столько отпила!“

Поздно было объ этомъ жалѣть: Соня все ростеть да ростеть; спустилась на колѣни—мало, тѣсно становится; свернулась, съежилась: однимъ локтемъ уперлась въ дверь, другую руку занесла на голову,—все мало: ростеть, да ростеть. Что дѣлать? оставалось одно, послѣднее средство: одну руку высунуть въ окошко, одну ногу просунуть въ трубу.

Просунула и думаетъ Соня: „кончено, теперь ужь ничего не подѣлаешь. Что-то со мною будетъ!“

Туть Соня, къ радости своей, замѣтила, что больше не ростеть. И то хорошо, но какъ бы то ни было, положеніе ея было крайне непріятное и неловкое. Какимъ образомъ избавиться отъ него, ума не приложишь! Соня приуныла.

Долго ли, нѣтъ ли лежала Соня, только вдругъ слышитъ она издали чей-то голосъ; прислушивается: „Матрена Иванова, а Матрена Ивановна, куда вы пропали? что не несете перчатки?“ затѣмъ, топы, топы, взбирается кто-то по ступенькамъ на лѣстницу.

Какъ слышала Соня голосъ да шаги кролика, вся затряслась, даже весь домъ покачнулся. И чего она, глупенькая, испугалась! чуть не забыла, что при ея ростѣ не страшень ей ни кроликъ, ни всякій другой звѣрь.

Подошелъ кроликъ къ двери, хочетъ отпереть—не подается: дверь отпирается внутрь, а Соня локтемъ приперла ее. Не сладилъ кроликъ, отошелъ и слышитъ Соня: „ну“ говорить, „влезу въ окно.“

„Какъ же, непременно, попробуй-ка,“ подсмѣялась Соня. Заслыша кролика подъ окномъ, она вдругъ какъ растопы-

рить пальцы.... (Руку-то одну она вѣдь
высунула въ окно.) Слышитъ, пискъ,
хлопъ! задрезжали стекла гдѣ-то вни-
зу, будто провалился кто въ рамы пар-

ника. Затѣмъ яростный крикъ кролика:
„Петька, Петька, гдѣ ты бездѣльникъ?“
Отвѣчаетъ ему чей-то незнакомый го-

лось, словно пѣтушій: „здѣсь я, въ навозной кучѣ, спаржу рою вашей милости.“

„Роешь спаржу!“ съ сердцемъ кричить кроликъ. „Иди сейчасъ, вытащи меня отсюда!“ И опять хрусть, лязгъ побитыхъ стеколъ.

„Гляди-ка Петька, что это тамъ торчитъ въ окнѣ?“

„Никакъ рука, ваша милость.“

„Рука, хохлатый тетеревъ! когда-жъ бываютъ такія руки! эта ручища, не видишь, что ли, загородила все окно!“

„Загородила-то загородила, а все-жъ это рука, ваша милость!“

„Ну, пусть, ручища, только ей тамъ не зачѣмъ быть, и ты у меня сейчасъ пойди, чтобъ не было ея!“

Молчаніе. Изрѣдка только, слышать Соня, перешептываются подъ окномъ.

„Воля ваша, сударь, не пойду: больно страшно.“

„Трусиска, смѣешь ты послушиваться! дѣлай, что тебѣ приказываютъ, не то!...“ Тутъ Соня опять растопырила пальцы.

На этотъ разъ запищали въ оба голоса, потомъ хлопъ, хлопъ! и опять задребезжали стекла.

„Сколько же у нихъ тамъ должно быть парниковъ!“ подумала Соня. „Что-то они теперь станутъ дѣлать! Хоть бы догадались вытащить меня въ окно; силъ моихъ нѣтъ скорчившись лежать.“

Ждетъ Соня, прислушивается—ничего не слышать. Спустя немного, слышитъ, катится что-то, будто везутъ тележку; говоръ на разные голоса. „Лѣстницу, ребята! тащите лѣстницу“, говоритъ одинъ. „Эй, Петька, тащи ее сюда! на уголь станови!“

„Эхъ, коротка, братцы,“ кричитъ другой; „одной мало, другую подавай! Веревкой ее связать!“

„Эй, Васька, веревку хватай, связывай!“

Приставили лѣстницу, взбирается кто-то, вдругъ сталь: и крѣпка-ли крыша, ребята,“ говоритъ; „вотъ что, не провалиться бы!“

„И то! Глядитъ-ка, гляди, никакъ доска ползеть! Берегись, ребята, головы прочь!“ кто то хлопнулся о землю и пошелъ трескъ и громъ внизу.

„Эй, братцы, никакъ Петька слетѣлъ? и то слетѣлъ.“

„Кому-жь теперь, братцы, въ трубу-то лѣзть?“

„Какъ знаете, я не полѣзу.“

„Ты, Васька, полѣзай!“

„Ишь ловкій! не пойду, самъ полѣзай!“

„Кому, сударь, прикажете лѣзть?“

„Васькѣ,“ приказалъ кроликъ.

„Васька, баринъ тебѣ велить!“

Соня просунула ногу въ трубу сколько можно было выше и ждетъ; слышитъ въ трубѣ поднялась возня; скребетъ, шаркаетъ что-то близехонько надъ ней.

„Ну, Васька идетъ“, думаетъ она и что есть мочи брыкнула въ него ногой. Ждетъ. Вотъ, слышитъ, загомонили внизу на всѣ голоса: „во-на! Васька, Васька-то вылетѣлъ!“ Потомъ кроликъ вопить: „вонъ, вонъ онъ около изгороди лежитъ!“ Все затихло на время, потомъ опять заголосили; слышно, будто хлопчатъ около Васьки.

Одинъ кричитъ: „Голову держи! Водкой отпоить“!

„Да тише вы, братцы“, кричитъ другой; „помаленьку, не то захлебнется! Ну, что, братъ Васька, отлегло ли?“

„Говори, что, какъ было“? говорить кроликъ. „Какъ это тебя изъ трубы выкинуло?“

Тутъ запищаль кто-то слабенькимъ голосомъ.

„Это Васька очнулся“, рѣшила Соня.

„И не припомню, братцы, что тутъ было: какъ поддало изъ трубы, индо въ глазахъ помутилось!... Я въ трубу, а изъ

трубы какъ пырнетъ въ меня чѣмъ-то, — я, братцы, и не взвидѣлъ свѣта. Вылетѣлъ словно пуля!....

„Что и говорить, важно вылетѣлъ!“ поддакнули всѣ. Опять замолчали.

„Поджечь развѣ домъ?“ спустя немного, вдругъ говоритъ кроликъ.

„Попробуйте-ка, дураки!“ закричала тутъ Соня во весь голосъ. „Вотъ погодите, натравлю я на васъ Катюшку!“

Все смолкло.

„Ну“, думаетъ Соня, „что-то они теперь затѣять! Хоть бы догадались крышу разобрать“.

Немного погода, опять голосъ кролика: „и одного будетъ воза для начала“.

„Чего это, одного воза?“ думаетъ Соня. Скоро узнала чего, какъ посыпалась на нее куча камушковъ, и ударились ей прямо въ лицо.

„Забьютъ теперь, пожалуй, коли ихъ не унять! Ну, вы тамъ, полноте, дурачье!“

Опять все замолкло, не слышать ничего.

Вдругъ, Соня видитъ: брошенные камушки превращаются въ пирожки. „Что за диво! Попробовать развѣ съѣсть хоть одинъ“, пришло ей на умъ. „Какая-нибудь да выйдетъ перемѣна! Вырости еще больше не выросту—это вѣрно; а стану меньше,—тѣмъ лучше.“

Соня взяла пирожокъ,—съѣла; замѣчаетъ, точно, росту нѣсколько убавилось. То-то обрадовалась! Выждала побуда не поровнялась съ дверью, отперла ее и выбѣжала изъ дому.

Около двери толпилась куча всякихъ звѣрятъ и птицъ: тутъ былъ и Петька пѣтухъ и черномазый Васька тараканъ. Его держали двое поросятъ и чѣмъ-то отпаивали. Увидя Соню, они было кинулись на нее, но она бросилась отъ нихъ бѣжать и вскорѣ очутилась въ дремучемъ лѣсу.

Ходить Соня по лѣсу, какъ вдругъ, надъ самой головой ея раздается рѣзкій, визгливый лай. Озадаченная Соня проворно подымаетъ голову, видитъ — огромный щенокъ таращится на нее круглыми, глупыми глазами и тянется ударить ее лапой. „Щеночекъ, голубчикъ“, подзываетъ его Соня, даже свистнула, а сама до смерти труситъ, не проголодался ли щенокъ: она такая маленькая, не вздумалъ бы ее съѣсть. Растерялась Соня, не знаетъ какъ быть; подняла прутикъ, бросила его щенку. Какъ подпрыгнулъ щенокъ четырьмя лапками вверхъ, да кинется впередъ за прутикомъ, а Соня проворно шмыгъ отъ него за кустъ, и выглядываетъ оттуда, — ужь очень она испугалась. А щенокъ теребитъ прутикъ, скачетъ, мечется, ворчитъ, лаетъ, визжитъ. Соня ни жива, ни мертва. Наконецъ щенокъ, видно, измучился, запыхался совсѣмъ; усѣлся, передними лапа-

ми врозь, высунуль красный, широкій языкъ и щурить глупые глазенки. Соня рѣшилась воспользоваться этимъ временемъ, и со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать. Далеко убѣжала, еле опомнилась!

„А какой миленькій былъ щеночекъ!“ размышляетъ Соня, едва переводя духъ, опершись на цвѣтокъ и обмахиваясь листкомъ. „Была бы я настоящаго роста, какимъ бы славнымъ штукамъ я его выучила!.. Ахъ, да что же это я, чуть не забыла. Вѣдь мнѣ нужно вырасти; подумаю, какъ это сдѣлать: ужь не съѣсть ли или выпить чего-нибудь?“ Соня пошла, глядитъ по сторонамъ; то подойдетъ къ цвѣтку, осмотритъ листья, то заглянетъ въ траву,—нѣтъ ничего и похожаго, что бы можно было съѣсть. Идетъ дальше, видитъ передъ нею сидитъ грибокъ, какъ разъ съ нее ростомъ; она обошла кругомъ гриба, внимательно осмотрѣла его, заглянула ему подъ шапочку, под-

нялась на цыпочки, вытянула шею, подняла голову и встрѣтилась глазами съ большимъ, толстымъ, синеватымъ червякомъ. Онъ сидѣлъ на самой макушкѣ гриба и, сложивъ руки, спокойно курилъ предлинную трубку.

СОВѢТНИКЪ-ЧЕРВЯКЪ.

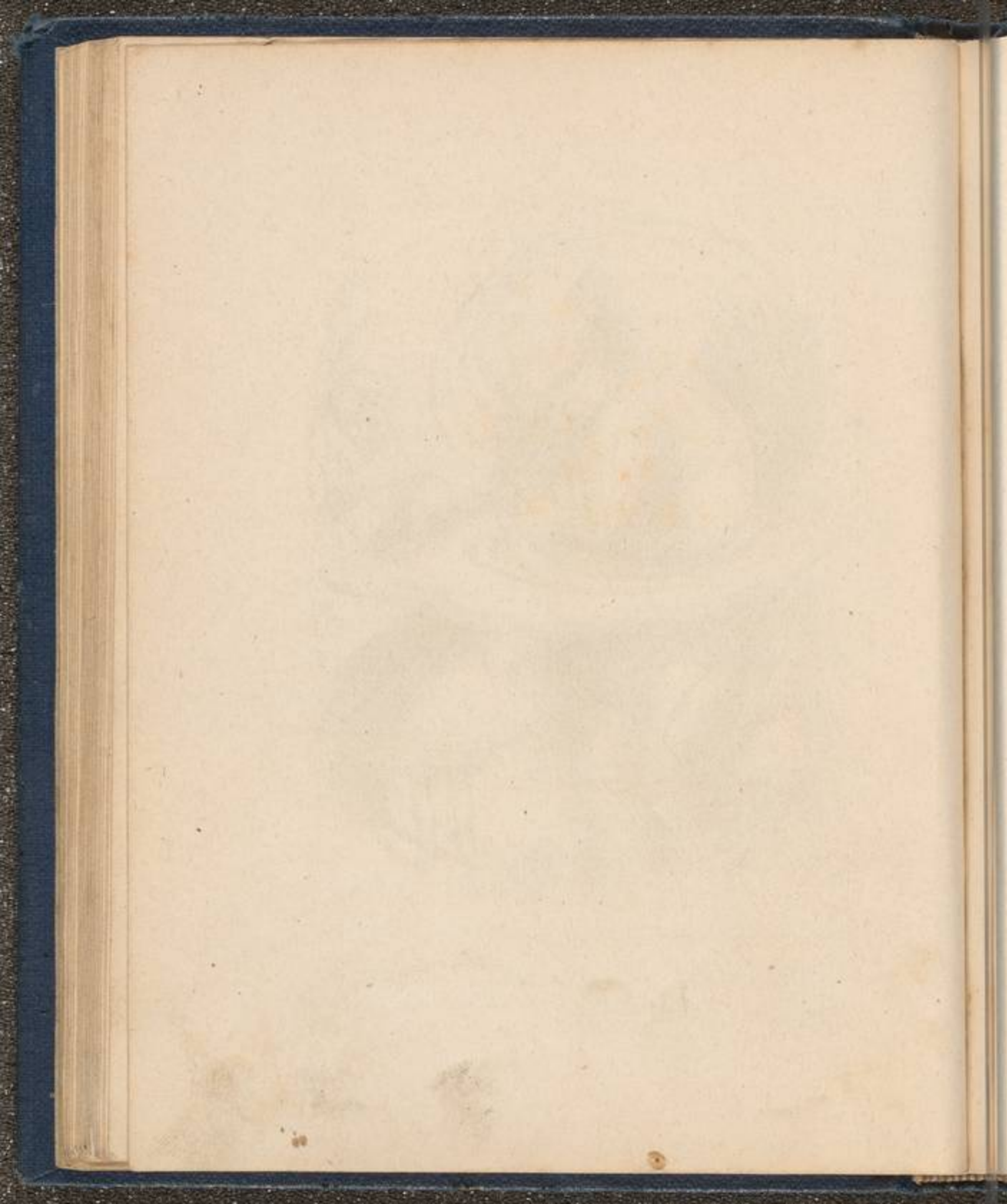
Глядитъ червякъ на Сою, Сою на червяка. Поглядѣли они такъ молча другъ на друга. Вынулъ, наконецъ, червякъ трубку изо рта, и говоритъ Сонѣ, да такимъ соннымъ голосомъ, едва тянетъ:

„Кто ты такая?“

Этотъ вопросъ очень озадачилъ Сою; она никакъ не ожидала, что этимъ начнется у нихъ разговоръ, и, нѣсколько сконфуженная, говоритъ червяку:

„Право, сударь, я и сама не знаю. Нынче утромъ, вставши, я знала навѣрное, что была Соней, но съ тѣхъ поръ со мною

было столько чудесъ и перемѣнъ, что я совсѣмъ сбилась съ толку.“

„Что ты вздоръ городишь?“ строго остановилъ ее червякъ. „Говори дѣло!“

„Никакъ не могу,“ отвѣчаетъ Соня, „потому что я, видите, стала сама не своя“.

„Не вижу“, говоритъ червякъ.

„Очень жалѣю,“ учтиво продолжаетъ Соня, а самое уже разбираетъ досада.

„Не могу я говорить дѣло, когда сама не знаю съ чего начать и какъ объяснить, почему я нынче безпрестанно мѣняюсь: то стану выше, то ниже. Все это ужасно безтолково!“

„Нисколько“, говоритъ червякъ.

„Для васъ, можетъ быть, нисколько, а вотъ посмотримъ, каково вамъ будетъ, когда вы станете куколкой, а изъ куколки вылетите бабочкой? Тогда вотъ увидимъ, покажется ли вамъ это страннымъ!“

„Ни чуть не страннымъ“, отвѣчалъ червякъ.

„Ну, у васъ видно характеръ совсѣмъ особенный. А мнѣ такъ оно кажется очень страннымъ.“

„Тебѣ!“ презрительно замѣтилъ червякъ, „да кто ты такая?“

„Вотъ разговоръ“, думаетъ Соня. „Заладилъ: кто, да кто!“ Досадно ей стало на червяка, вздумала и его озадачить: выпрямилась во весь свой ростъ, и съ важностью говоритъ ему: „и вамъ бы, кажется слѣдовало сказать *кто вы* такой?“

„Почему это?“ кротко спросилъ червякъ.

Опять Соня стала въ тупикъ: не придумаетъ почему и, рѣшивъ про себя, что червякъ очень не въ духѣ, отвернулась отъ него и пошла.

„Воротись“, закричалъ ей червякъ, „я скажу тебѣ кое-что важное“.

Соня приободрилась, воротилась; подходитъ.

„Не сердись“, протянулъ червякъ.

„Только-то!“ говорит Соня и такъ разозлилась, что едва совладала съ собою.

„Нѣтъ, не только“.

„Впрочемъ, пусть его“, разсудила Соня; „дѣла у меня другаго нѣтъ, послушаю, такъ и быть,—можетъ и скажетъ что-нибудь дѣльное.“

Червякъ раза два потянулъ изъ трубки, расправилъ руки, изогнулся и говоритъ: „такъ ты находишь въ себѣ перемѣну?“

„Нахожу, сударь“, отвѣчаетъ Соня. „Первое, я ничего порядкомъ не могу припомнить; что ни скажу — все путаю. Второе, ростомъ я безпрестанно мѣняюсь“.

„Что ты именно путаешь?“

„Да вотъ, хотѣла сказать наизусть *Птичку Божію*, такъ всѣ слова у меня выходятъ на выворотъ“, пригорюнившись, отвѣчаетъ Соня.

„Посмотримъ; ну-ка скажи: *Близко юрода Славянска*“....

Соня сложила руки на животикѣ, и
начала:

„Близко города Буянска,
На верху крутой норы,
Пресердитый жиль-быль парень,
По названію Колотунъ.

Въ его погребѣ глубокомъ,
Словно мышка въ западнѣ,
Изнывала въ зломъ разсолѣ
Бѣлорыбица душа.

Рано вечеромъ однажды,
У кошачьяго окна,
Раскрасавица Катюша,
Притаившись, сидитъ.

Она плачетъ, сердце бьется,
Хочетъ выскочить оно.
Сердцу чудится отрава
И постыло все ему.

Вдругъ, откуда ни возмися,
Два мышенка молодыхъ
Наскочили на Катюшку,—
Испугались молодцы!...

Гдѣ же парень?—Попиваетъ,
Его слуги также пьютъ,

Одинъ стрижь сидитъ на врышкѣ
И щебечеть просебя“.

„Не такъ“, сказалъ червякъ.

„И мнѣ кажется не совсѣмъ такъ; буд-
то выходятъ не тѣ слова“, робко сказа-
ла Соня.

„Напутала съ начала до конца“, рѣ-
шительно сказалъ червякъ

Оба замолчали.

„На сколько хочешь вырасти?“ заго-
ворилъ червякъ.

„Мнѣ бы все равно, лишь бы не мѣ-
няться безпрестанно; это, знаете, очень
скучно“.

„Не знаю“, сказалъ червякъ.

„Все дразнится“, думаетъ Соня, и такъ
ей досадно стало, чуть не разсердилась;
однако, смолчала.

„Чего тебѣ еще надо?“

„Хоть бы мнѣ чуточку прибавить рос-
ту, сударь, если можно“, просить Соня,
„а то два вершка, что это за ростъ!“

„Ростъ прекрасный“, сердито молвилъ червякъ и вытянулся во всю свою длину; (въ немъ было ровно два вершка).

„Но я вѣдь къ этому не привыкла!“ жалобно взмолилась Соня, а сама думать: „какіе же они, право, всё обидчивые!“

„Привыкнешь“, протянулъ червякъ, сунулъ трубку въ ротъ и принялся курить.

Соня стоитъ передъ нимъ, терпѣливо выжидаетъ не заговорить ли опять червякъ. Минуть чрезъ пять онъ выпустилъ трубку, раза два зѣвнулъ, встряхнулся, потомъ медленно сталъ спускаться съ гриба, и поползъ въ траву; ползетъ и бормочетъ: „съ одного бока отгрызешь, станешь больше; съ другаго отгрызешь — станешь меньше“.

„Чего отгрызть? съ чьего бока?“ думаетъ озадаченная Соня.

„Гриба“, шепнулъ червякъ, будто въ

отвѣтъ на ея мысль, и вскорѣ скрылся въ густой травѣ.

„Вотъ задача, такъ задача!“ раздумалась Соня; глядить на грибъ, соображаетъ, съ какого бока подойти къ нему. Вѣдь онъ весь круглый, какъ тутъ разберешь бока! Думала, думала, наконецъ придумала: обняла грибъ обѣими руками и каждой рукой отломила отъ обѣихъ сторонъ по кусочку.

„Дѣло теперь въ томъ“, разсуждаетъ она, „отъ котораго кусочка отгрызть, отъ лѣваго или отъ праваго?“ Попробовала отъ праваго — вдругъ чувствуетъ ударъ. Что такое?—Подбородокъ у нее встрѣтился съ ногами. Перепугалась Соня и, не теряя времени, поскорѣ взялась за кусочекъ въ лѣвой рукѣ; едва справилась разинуть ротъ, такъ она вся сплюснулась; однако, приловчилась, кое-какъ просунула въ ротъ, отгрызла, проглотила.... „Ну, слава Богу, голову высво-

бодила!“ радостно вскричала Соня. Но не долга была ее радость. Глядитъ, гдѣ плечи?—нѣтъ ихъ.... Ищетъ Соня плечи. водить повсюду глазами, заглянетъ внизъ —нѣтъ; только видно, что длинная, предлинная шея подымается изъ-подъ травы высокимъ стеблемъ, и ныряетъ въ цѣломъ морѣ зеленой листвы.

„И что это за бездна густой зелени? куда я попала?“ удивляется Соня. „И куда дѣвались мои плечи? А руки-то, руки—ихъ бѣдненькихъ совсѣмъ не видать!“ Соня потрясла руками, чтобы узнать на мѣстѣ ли онѣ, не увидитъ ли ихъ? нѣтъ, не видать.... зашуршали листья гдѣ-то внизу, далеко подъ нею — и только....

Видитъ Соня, что не поднять ей рукъ къ головѣ, и догадалась спустить голову къ рукамъ; нагнула шею: шея сгибается и разгибается точно змѣиная. Этому открытію она очень обрадовалась, и плавными, извилистыми движеніями ста-

ла нырять сквозь вѣтокъ; тутъ она поняла, что попала въ самыя макушки деревьевъ, подлѣ которыхъ она сперва стояла, кагда была маленькая.

Вдругъ зашипѣло что-то около нея, и сильно ударило крыльями прямо ей въ лицо.

„У-у, змѣя!“ закричалъ голубь изо всей мочи.

„Нѣтъ, не змѣя!“

„Змѣя, змѣя, змѣя!“ завопила голубка, но уже тише, и тутъ же жалобно застонала: „и гдѣ я ни пробовала, все отъ нихъ не уйдешь!“

„И о чемъ ты стонешь, не пойму?“ сказала Соня.

„И гдѣ я ни пробовала“, не внимая ей, продолжала голубка стонать, „и въ дуплахъ-то, и на берегу рѣчки, и въ плетняхъ, нѣтъ—нигдѣ не упасешься отъ этихъ проклятыхъ змѣй!“

Слушаетъ Соня, но въ толкъ не возъ-

меть, на что голубка жалуется; рѣшилась молчать.

„И такъ мнѣ хлопотъ довольно высиживать яйца“, продолжаетъ голубка, „а тутъ еще сторожи денно и ночью, не заползла бы змѣя! вѣдь три недѣли, шутка сказать, я глазъ не смыкала!“

„Очень жалѣю, что васъ обезпокоила“, говоритъ Соня, догадавшись, наконецъ, въ чемъ дѣло.

„И только я устроилась на самой макушкѣ самаго высокаго дерева“, вопить голубка, „и только я думала, что упаслась отъ этихъ злодѣекъ, такъ нѣтъ же, откуда ни возьмись, съ неба наровила вильнуть на меня! У—у, змѣя подколодная!“

„Говорять тебѣ, я не змѣя! Какая я змѣя! я....“

„Кто-жь ты такая? говори“, стонетъ голубка. „Да ты смотри, не вздумай меня дурачить—наразскажешь, пожалуй!“

„Я.... я.... маленькая дѣвочка“, объявила Соня не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

„Ну, этому трудно повѣрить“, съ величайшимъ презрѣніемъ замѣтила голубка.

„Много я видала дѣвочекъ на своемъ вѣку, а съ такой длинной шеей отъ роду не доводилось видѣть. Нѣтъ, ты не дѣвочка, не можетъ этого быть. Какая ты дѣвочка? ты змѣя! Ты, поди, еще скажешь, что яицъ никогда не ѣдала?“

„Яйца я, конечно, ѣдала“, призналась Соня. (Она была дѣвочка очень правдивая). „Такъ что-жь изъ этого! Будто дѣвочкамъ нельзя ѣсть яицъ, потому что змѣи ѣдятъ!“

„Что-то не вѣрится. А если такъ, значитъ дѣвочка и змѣя одного поля ягодки — вотъ что!“

Соня растерялась, не знаетъ, что отвѣчать на эти слова. Пока она, молча, собиралась съ мыслями, голубка опять за свое:

„Я вѣдь знаю, зачѣмъ ты тутъ слоняешься, — къ моимъ яйцамъ пробираешься! И выходить по моему: что дѣвочка, что змѣя — одно и то же.“

„А по моему вовсе не выходить на одно“, съ сердцемъ выговорила Соня. „Первое, вы ошибаетесь, если воображаете, что я пробираюсь къ вашимъ яйцамъ; второе, еслибы и пробиралась, то, конечно, не стала бы ихъ ѣсть: я не ѣмъ, отъ роду не ѣдала и не стану ѣсть голубиныхъ яицъ, особенно сырыхъ!“

„Пусть такъ, только убирайся!“ сердито закричала голубка, надулась и уѣздила на гнѣздо.

Соня прижалась къ дереву; съ привычки ей было неловко справляться съ длинной шеей: она безпрестанно путалась и цѣплялась въ вѣткахъ, и безпрестанно надо было распутывать и отцѣплять ее. Вдругъ она вспомнила, что въ рукѣ у нее остался еще кусочекъ гриба,

нагнула шею къ рукамъ и принялась за грибъ: отъ одного куска погрызеть, отъ другого откусить: то выше станетъ, то ниже, — и такъ она понемногу довела себя до настоящаго своего роста. Сначала даже будто дико показалось ей, что стала настоящей Соней; потомъ привыкла и заговорила сама съ собою, по старому.

„Ну, половина дѣла у меня теперь сдѣлано. Престранныя, однако, были со мной перемѣны! И теперь не совсѣмъ еще вѣрится, что все кончено; такъ и кажется: вотъ, вотъ сейчасъ пойдутъ какія-нибудь новыя штуки. Ужь и то хорошо, что я вернула свой прежній ростъ. Теперь надо непременно добратъся до чудеснаго сада, — какъ бы это устроить?“

Только сказала это Соня, и видитъ передъ собою большую, открытую поляну; на полянѣ стоитъ домикъ всего въ аршинъ вышины.

„Кто бы тамъ ни жилъ“, разсуждаетъ Соня, „не годится мнѣ входить туда: перепугаются моего роста, подумаютъ, великанъ!“

Опять Соня принялась за грибъ—убавлять себѣ росту, и довела себя до полуаршина вышины.

Доросеночекъ.

Соня постояла, поглядѣла,—не знаетъ на что рѣшиться. Вдругъ, откуда ни возьмись, изъ лѣсу выбѣгаетъ лакей. Соня приняла его за лакея, потому что на немъ была ливрея, но голова и лицо у него были рыбы. Лакей сталъ громко стучаться кулакомъ въ дверь. Ему отворилъ другой лакей, круглолицый, глаза на выкатѣ, точь въ точь лягушка. Очень любопытно стало Сонѣ узнать какое у нихъ дѣло, и, выбравшись осторожно изъ лѣсу, поближе къ нимъ, она стала прислушиваться.

Лакей-рыба вытащилъ изъ-подъ мыш-

ки огромный, чуть ли не съ него ростомъ конвертъ и передалъ его другому лакею. „Пиковой княгинѣ приглашеніе отъ червонной крали на игру въ крокетъ“ *), важно произнесъ лакей-рыба. Лакей-лягушка съ такою же важностью принялъ конвертъ. Тутъ оба лакея поклонились другъ другу такъ низко, что стукнулись головами и сдѣпились курчавыми волосами. Соня, глядя на нихъ, чуть не расхохоталась вслухъ, и поскорѣе убѣжала въ лѣсъ, чтобы не замѣтили ее лакеи.

Немного погодя, она опять выглянула, видитъ лакей-рыба ушелъ, и сидитъ одинъ лакей-лягушка у двери, на порогѣ, бессмысленно уставивъ глаза вверхъ.

Соня робко подошла къ двери, постучалась.

„Напрасно стучитесь“, сказалъ лакей-лягушка. „Первое, я сижу здѣсь и ста-

*) Игра въ шары, въ родѣ луговаго бильярда.

ло не кому отпереть вамъ изъ дому. Второе, у нихъ тамъ идетъ такой гамъ, что никто не услышитъ, хоть сутки простой.“

И вправду изъ дому слышался шумъ необыкновенный: ревъ, чиханіе не умолкали, затѣмъ трескъ, громъ, будто кидаются блюдами, или кострюлями.

„Скажите, пожалуйста, какъ мнѣ войти въ домъ?“ спросила Соня.

„И что стучаться безъ толку“, продолжаетъ лакей свое, будто не слыхалъ вопроса Сони. „Оно бы еще можно, кабы вы, примѣрно, стояли за дверью, — ну, постучались, я бы отперъ вамъ отсюда, а такъ, знаете...“ говоритъ лакей и глядитъ не на Соню, а вверхъ.

„Какой неучъ!“ думаетъ Соня. „Впрочемъ, можетъ быть онъ это не нарочно, а такъ, глаза у него сидятъ, что не сладить съ ними“, одумалась она. „Но хоть бы отвѣчалъ на то, что у него спрашива-

ютъ! Скажите, какъ мнѣ войти въ домъ?“ уже бойчѣе спрашиваетъ Соня.

„Я здѣсь, полагать надо, просижу до завтрашняго дня.....“ опять начинаетъ лакей.

Вдругъ отворяется дверь и вылетаетъ изъ нея большое блюдо прямо въ голову лакея, задѣваетъ его за носъ и, ударившись въ дерево, разбивается въ дребезги.

.....„А можетъ и больше“, договариваетъ лакей тѣмъ же голосомъ, будто ни въ чемъ не бывало.

„Какъ мнѣ войти?“ еще громче спрашиваетъ Соня.

„Какъ войти? А за какимъ вамъ туда дѣломъ, извольте-ка сперва сказать?“

Сонѣ очень не понравилось это замѣчаніе.

„Ни на что не похоже!“ ворчитъ она, „какъ эти люди нынче стали разсуждать! не сладишь съ ними: совсѣмъ изъ повиновенья вышли!“

А лакей, съ радости должно быть, что огорошилъ Сою, опять за свое:

„А я просижу здѣсь и нынѣ и завтра и во вѣки вѣковъ“.

„Но что же мнѣ-то дѣлать?“

„А что угодно“, говоритъ лакей, и за-свисталъ.

„Нечего съ нимъ толковать“, говоритъ Соня, доведенная до отчаянія. „Онъ набитый дуракъ!“ Пошла, сама отперла дверь и вошла.

Дверь отворялась прямо въ большую кухню; въ ней стоялъ дымъ коромысломъ. Посреди кухни, на скамьѣ о трехъ ножкахъ, сидѣла сама пиковая княгиня и нянчилась съ ребенкомъ; кухарка, около печки, нагнувшись надъ огромной костреюлей, мѣшала въ ней ложкой что-то, похожее на щи.

„Наложила же она въ нихъ луку и чесноку“, говоритъ Соня про себя и расчихалась. И вправду наложила! По всей

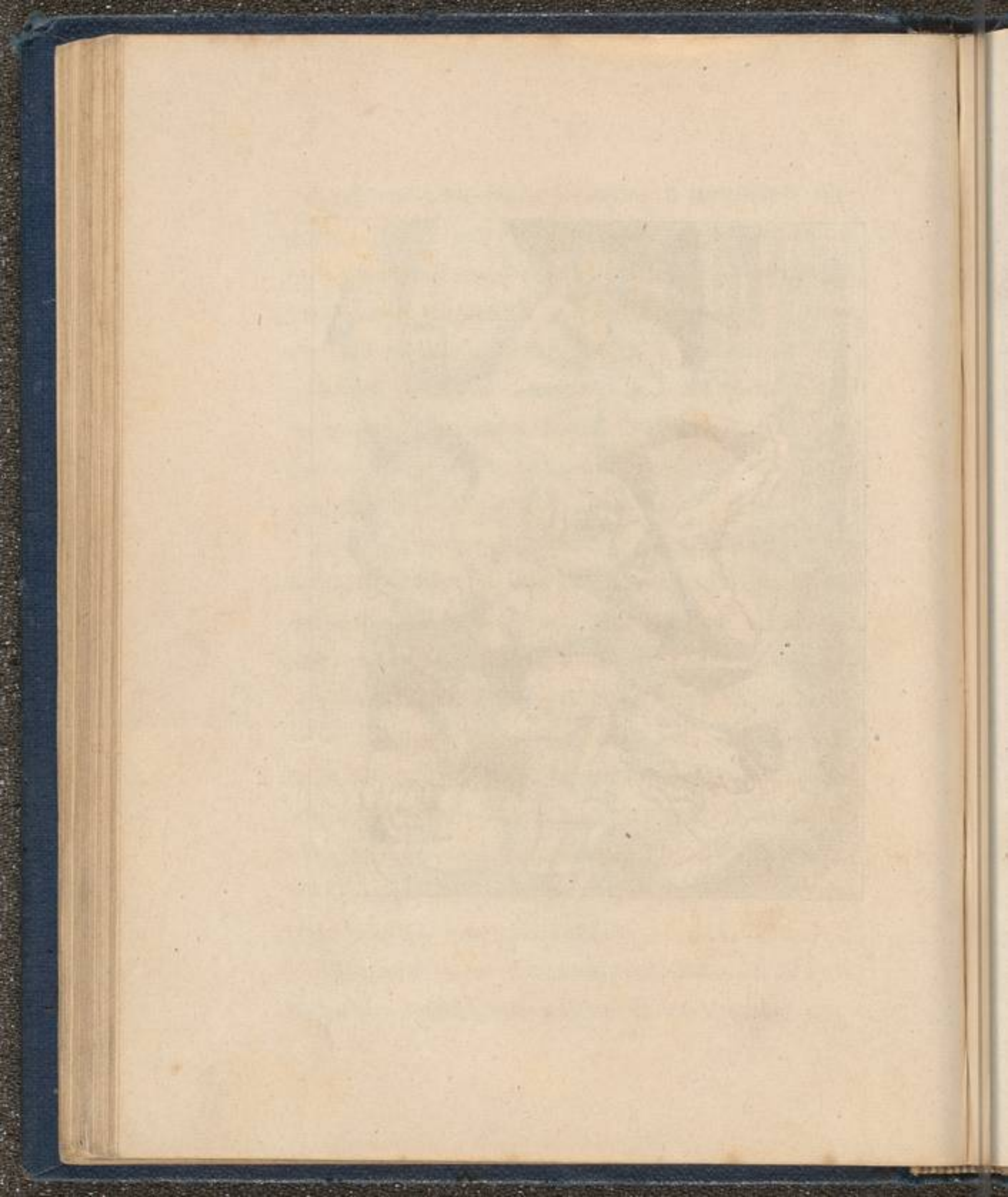
кухни стоялъ запахъ лука и чеснока; сама княгиня нѣтъ - нѣтъ, да и чихнетъ; а про ребенка что и говорить — реветъ да чихаетъ, чихаетъ да реветъ безъ умолку. Не чихали лишь двое: кухарка да огромная кошка, сидѣвшая у печки. И что за морда у этой кошки! широкая, преширокая, будто скалится она до самыхъ ушей.

„Скажите пожалуйста“, начала Соня довольно робко: она не знала, учтиво ли первой вступать въ разговоръ, „отчего это у васъ кошка такъ скалится?“

„Она сибирская кошка“, отвѣчаетъ княгиня, „вотъ отчего. Свинья!...“ вдругъ крикнула она такъ яростно, что Соня даже подпрыгнула и оторопѣла. Увидавъ, однако, что не ее, а ребенка она обозвала свиньей, Соня успокоилась и опять пустилась въ разговоръ.

„Я не знала“, говоритъ она, „что сибирскія кошки скалятся. Если правду ска-

зять, я даже совсѣмъ не знала, что кошки скалятъ зубы“.

„Какъ же, всѣ умѣютъ; всѣ онѣ скалятъ зубы“, говоритъ княгиня.

„Скажите! А я, по правдѣ, никогда этого не видывала и даже совсѣмъ не знала“, говоритъ Соня и рада, что завела разговоръ.

„Много ты знаешь! вотъ это такъ правда“, сказала княгиня.

Это замѣчаніе не очень-то понравилось Сонѣ, и она стала придумывать другой разговоръ. Пока она придумывала, кухарка, снявъ съ огня корчагу сощами, принялась кидать, чѣмъ ни попало, въ княгиню и ребенка: первую полетѣла кочерга, за нею блюда, тарелки, сковороды, горшки. А княгиня сидитъ себѣ, — ни слова, даже когда попадало въ нее чѣмъ-нибудь. Ребенокъ же и безъ того такъ громко ревелъ, что никакъ нельзя было разобрать отъ боли онъ реветъ, или такъ.

„Ахъ, что это вы! Пожалуйста перестаньте, осторожниѣ!“ кричитъ Соня, отскакивая и бѣгая по кухнѣ въ ужасномъ страхѣ. „Вотъ, чуть меня не задѣли! Вѣдь эдакъ можно убить!“ уговариваетъ она кухарку, увертываясь отъ горшка, который чуть не попалъ ей въ носъ. „Велите ей перестать!“ обратилась она, наконецъ, къ княгинѣ.

„Не совался бы каждый въ чужія дѣла и земля пошла бы шибче кружиться“, заговорила хриплымъ голосомъ княгиня.

„Не знаю, что бы изъ этого вышло!“ говоритъ Соня, радуясь случаю выказать свою ученость. „Вы только представьте себѣ, что бы это было, если бы вдругъ день перепутался съ ночью!.... Вѣдь земля, знаете, въ 24 часа обращается около своей оси....“

„Отстань съ твоими часами, счетами да расчетами! Я чисель и цифрь терпѣть не могу!“

Тутъ княгиня занялась ребенкомъ: качаетъ его и напѣваетъ колыбелную пѣсенку.

Споетъ стишокъ, и трехнетъ ребенка, да такъ поддастъ, что страшно глядѣть. На второмъ стихѣ княгиня еще шибче стала тормошить и подкидывать вверхъ бѣднаго малютку; а онъ заливается, визжитъ, такъ что за его крикомъ и воемъ Соня едва могла разслушать:

„И реветъ-то злой ребенокъ
Только-бъ досадить!
Дамъ тебѣ и, поросенокъ,
.....

„На, можешь поняньчиться съ нимъ, коли есть охота“, пропѣвъ второй стихъ, сказала княгиня и швырнула ребенкомъ прямо въ Соню. „А мнѣ пора собираться къ червонной кралѣ“. Сказала и проворно пошла къ двери. Кухарка пустила въ нее сковородою, но промахнулась.

Соня, поймавъ ребенка кое-какъ на ле-

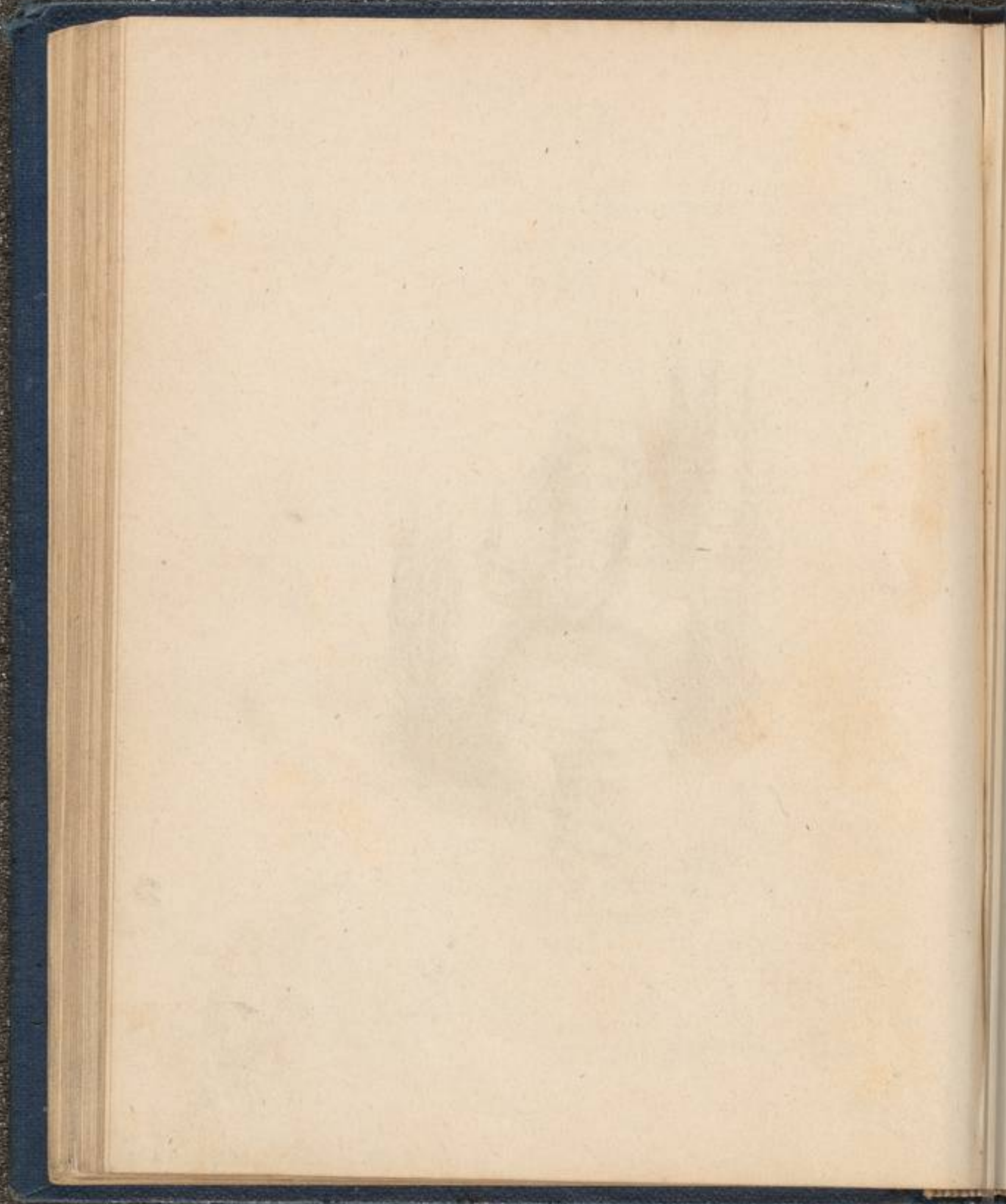
ту, сначала едва могла съ нимъ справиться, такой онъ былъ неуклюжій, точно чурбанъ—со всѣхъ сторонъ торчатъ руки да ноги. Бѣдняжка пыхтѣлъ и фыркалъ ужасно; ёрзалъ у нея въ рукахъ: то свернется клубкомъ, то вытянется доской, того и гляди выскользнетъ. Много было Сонѣ хлопотъ удержать его на рукахъ!

Наконецъ, она приловчилась-таки къ нему, и, крѣпко забравъ его въ охапку, вышла съ нимъ погулять.

„Если не отнять у нихъ этого ребенка, они уморятъ его непременно; мнѣ надо спасти его отъ вѣрной смерти!“ сказала Соня вслухъ.

Ребенокъ словно хрюкнулъ. „Что это съ нимъ?“ думаетъ удивленная Соня, и съ безпокойствомъ вглядывается ему въ лицо. Глядитъ, а сама думаетъ: „странный у него, признаться, носъ: будто не носъ, а скорѣе рыльцо; и глаза что - то ужь очень узки!....“ Однимъ словомъ, не по-

правилаь Сонѣ наружность ребенка, и даже взяло ее сомнѣніе.

„Впрочемъ, это онъ можетъ быть не хрюкаль, а рыдалъ“, утѣшаетъ она себя, и опять нагнулась, глядитъ ему въ лицо, не видать ли слезъ? нѣтъ, не видать. „Ну“, думаетъ Соня, „если-жь ты обернешься въ поросенка, брошу тебя, непременно брошу! Смотри же!“ Малютка опять зарыдалъ или захрюкаль, трудно было разобрать, а Сонѣ все еще не совсѣмъ вѣрится: ходитъ она, няньчится съ нимъ, и обдумываетъ, куда бы ей дѣвать ребенка, вернувшись въ домъ.

Какъ хрюкнетъ малютка изо всей мочи! даже Соня вздрогнула, взглянула на него,—видитъ, нѣтъ сомнѣнія—не ребенокъ, а поросенокъ у нее на рукахъ!

Глупо было бы возиться съ поросенкомъ, разсудила Соня и спустила его съ рукъ, а онъ, къ ея радости, тотчасъ отправился мелкой рысцой прямо въ лѣсъ.

Задумалась Соня о томъ, какія грязныя бываютъ дѣти, словно поросята: взглянула на дерево, а тамъ сидитъ сибирская кошка: сидитъ она на сучкѣ, глядитъ на Соню, ухмыляется.

„Лицомъ она кажется ничего, добрая“, разсуждаетъ Соня, „но когти у нея ужъ что-то очень длинныя, да острые, и зубастая какая,—пожалуй, шутить не любить. Надо съ нею осторожно“, рѣшила она.

„Сибирская киска“, начинаетъ Соня, а сама боится, по праву ли ей будетъ это имя.

На это кошка только шире ухмыльнулась.

„Кажется, понравилась“, думаетъ Соня. „Не можете ли вы мнѣ сказать“, продолжаетъ она, „куда мнѣ отсюда пройти?“

„А это смотря по тому, куда ты желаешь выйти“, отвѣчаетъ кошка.

„Мнѣ бы все равно, куда...“ отвѣчаетъ Соня.

„А коли все равно, значить, куда ты ни пойдешь — вездѣ тебѣ дорога,“ говоритъ кошка.

„Лишь бы мнѣ попасть куда-нибудь,“ объясняетъ Соня.

„Ну да; всегда куда-нибудь да пойдешь, покуда носятъ ноги,“ говоритъ кошка.

Какъ съ этимъ не согласиться! Придумала Соня другое.

„Скажите,“ говоритъ сибирская киска, „живутъ ли люди въ здѣшней сторонѣ?“

„Какъ же, живутъ. Здѣсь вотъ,“ говоритъ, „живетъ Враль - Илюшка, а тамъ, заяцъ косою,“ и повела въ обѣ стороны лапкой. „Ты у нихъ побывай, оба они шальные.“

„Что мнѣ за охота знакомиться съ шальными“, замѣтила Соня.

„Это не бѣда,“ говоритъ кошка, „всѣ мы здѣсь шальные, и ты, и я, и всѣ мы шальные.“

„Почему вы полагаете, что я шальная?“
нѣсколько обидѣвшись, спрашиваетъ Со-
ня.

„А потому, что ты сюда попала,“ рѣ-
шила кошка.

Соня совсѣмъ не была согласна съ
этимъ доводомъ, однако, не желая затѣ-
вать спора, говоритъ:

„Положимъ. Новы-то почему шальная?“

„Сама увидишь. Какъ по твоему: со-
бака шальная или нѣтъ?“ спрашиваетъ
кошка.

„Не всегда, а только когда взбѣсится“,
отвѣчаетъ Соня.

„Ну такъ сама посуди: собака, когда
сердится—ворчить, а радуется—виляетъ
хвостомъ. Я же, напротивъ, виляю хво-
стомъ, когда разсержусь, а радуюся—
ворчу. Какъ же я не шальная!“

„Кошки по моему курлычатъ, а не
ворчатъ“, вступилась Соня.

„Это по твоему; по моему, курлыкать

или ворчатъ одно и то же,“ рѣшила кошка. „А что, пойдешь ты къ червонной кралѣ на крокетъ?“ вдругъ спросила она.

„Не знаю; я не звана, а очень бы хотѣлось“, говоритъ Соня.

„Такъ до свиданія, тамъ увидимся“, говоритъ кошка; сказала и вдругъ исчезла, будто ее и не бывало.

Соня за это время мало чему удивлялась, — такъ она свыклась со всякими странностями. И этому она нисколько не удивилась, а стала озираться, не увидитъ ли куда скрылась кошка. Глядитъ, она опять на деревѣ, на томъ же сучкѣ.

„Кстати“, говоритъ кошка, „чуть не забыла спросить: куда дѣвался ребенокъ?“

„Онъ обернулся въ поросенка,“ отвѣчаетъ Соня.

„Такъ я и полагаю“, говоритъ кошка, и опять исчезла.

Соня постояла, подождала не явится ли она опять, однако, не дождалась, и

пошла отыскивать зайца, куда указала кошка.

„На что мнѣ этотъ Враль - Илюшка!“ рассуждаетъ она, походя. „Зайцы по моему гораздо интереснѣе. Посмотрю я на этого; онъ вовсе можетъ быть не такой шальной, какъ рассказываетъ кошка!“

Вскорѣ завидѣла она домикъ; взглянувъ на него, Соня рѣшила, что это и есть самый домъ зайца: крыша вся крыта заячьими шкурками, вмѣсто трубъ торчатъ ушки. Но домъ по ея росту оказался слишкомъ великъ, потому она тотчасъ распорядилась прибавить себѣ росту. Принялась за грибъ и грызла его покуда не поднялась на аршинъ. Соня тогда подошла къ домику, а сама трусить: „ну, какъ заяцъ въ самомъ дѣлѣ шальной!“ думаетъ она. „И напрасно я, кажется, не пошла къ Илюшкѣ!“ Подумала, постояла, и рѣшилась войти.

ШАЛЬНАЯ БЕСѢДА.

Соня вошла въ комнату; видитъ — по срединѣ стоитъ накрытый, длинный столъ; за столомъ Илюшка съ зайцемъ сидятъ за чаемъ; между ними Мишенька-Сурокъ спитъ крѣпкимъ сномъ, а тѣ двое, опершись на него локтями, какъ на подушку, ведутъ между собою разговоръ.

„Вотъ нашли себѣ подушку!“ думаетъ Соня, глядя на Мишеньку. „Впрочемъ, онъ спитъ и должно быть ничего не чувствуетъ.“

Всѣ трое сидѣли кучкой на самой срединѣ длиннаго стола; но лишь только Соня подошла, и собралась сѣсть за столъ,

всѣ на нее накинулись, кричать: „прочь, прочь, мѣста нѣтъ!“

„Извините, мѣста довольно, даже много лишняго!“ отвѣчаетъ Соня въ большомъ негодованіи, и усѣлась въ широкое кресло, на концѣ стола.

„Не прикажите ли винца?“ весьма учтиво предложилъ ей заяцъ. Соня оглянула весь столъ: поданъ одинъ чай, а вина не видать.

„Гдѣ же у васъ вино?“ спрашиваетъ она.

„Вина нѣтъ,“ говоритъ заяцъ.

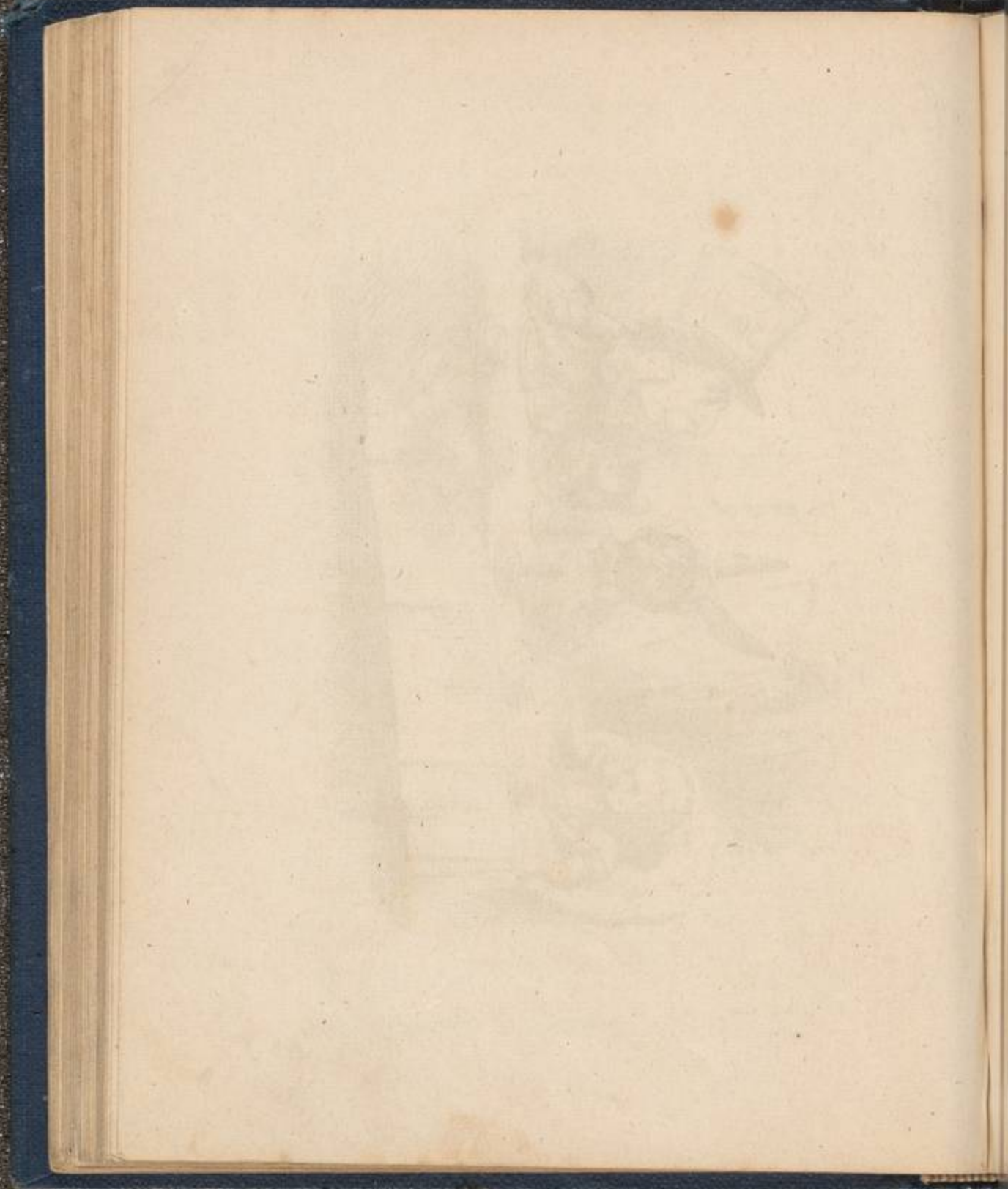
„Очень неучтиво съ вашей стороны предлагать чего нѣтъ“, съ сердцемъ говоритъ Соня.

„А съ вашей стороны очень неучтиво садиться за столъ безъ приглашенія“, отвѣчаетъ заяцъ.

„Вамъ не мѣшало бы меня пригласить, — столъ накрытъ на многихъ.“

„А вамъ, Гиѣденькая, не мѣшало бы подстричь гривку“, замѣтилъ Илюшка!

Онъ давно уже съ любопытствомъ поглядывалъ на Соню и на длинные ея волосы.

„Во первыхъ, я не Гнѣденькая, и такихъ именъ не бываетъ; во вторыхъ, вамъ нѣтъ дѣла до моихъ волосъ; а въ третьихъ, очень неучтиво дѣлать замѣчанія прямо въ лицо!“ строго обратилась къ нему Соня.

Илюшка на это только вытаращилъ глаза, и вдругъ спрашиваетъ: „а скажите-ка, какая разница между чаемъ и чайкой?“

„Ну,“ думаетъ Соня, „теперь посмѣемся. Хорошо, что онъ затѣялъ игру въ загадки.“

„Эту загадку я, кажется, отгадаю,“ говоритъ она вслухъ.

„То-есть, ты думаешь, что придумаешь на нее отвѣтъ“, поправилъ ее заяцъ.

„Думаю“, отвѣчаетъ Соня.

„Такъ говорила бы, что думаешь“, пристаётъ заяцъ.

„Я и говорю, что думаю“, живо перебиваетъ его Соня. „То-есть я думаю, что скажу—впрочемъ, это все равно.“

„Нисколько не все равно“, вмѣшался Илюшка. „Эдакъ, пожалуй, все равно сказать: ѣмъ, что вижу, или вижу, что ѣмъ!“

„А я“, говоритъ заяцъ, „скажу: ловлю, что люблю, или люблю, что ловлю,—такъ же все равно!“

„Дышу, когда сплю, или сплю, когда дышу такъ же выйдетъ, небось, все равно?“ неожиданно промычалъ сонный Мишка.

„И прибралъ же себѣ какъ разъ кста-ти“, замѣтилъ Илюшка. Всѣ замолчали.

Соня сидѣла, задумавшись надъ загадкой, но сколько ни старалась, никакъ не разгадаетъ.

„Какое нынче число?“ вдругъ спрашиваетъ Илюшка, и вынулъ изъ карма-

на часы; поглядѣлъ на нихъ съ безпокойствомъ, сталъ трясти ихъ, потомъ приложилъ къ уху.

„Четвертое“, сказала Соня.

„Такъ и есть, отстали на два дня!“ вздохнулъ Илюшка. „Говорилъ я тебѣ не смазывать ихъ масломъ!“ сердито обернулся онъ къ зайцу.

„А масло было свѣжее, первый сортъ!“ кротко замѣтилъ заяцъ.

„Ну, видно крошки попали“, ворчить Илюшка. „Говорилъ я тебѣ не смазывать хлѣбнымъ ножемъ!“

Заяцъ взялъ часы, задумчиво сталъ ихъ осматривать, потомъ окунулъ въ чашку съ чаемъ и опять внимательно осмотрѣлъ.

„А масло было первый сортъ!“ повторилъ заяцъ, не придумавъ иного извиненія.

Все это время Соня слѣдила за происходившимъ, глядя зайцу черезъ плечо.

„Престранные у васъ часы“, говоритъ она, „показываютъ не часъ, а число!“

„Твои развѣ показываютъ годъ?“

„Конечно нѣтъ“, отвѣчаетъ Соня. „Годъ идетъ такъ долго, что часы не нуж....“

„Ну, вотъ видишь, кто правъ?“ рѣзко прервалъ ее Илюшка.

Соня совсѣмъ растерялась мыслями: она ли не понимаетъ, что говоритъ Илюшка, а говоритъ онъ по-русски; или онъ говоритъ безтолково? — ничего не разбереть.

„Я что-то васъ не понимаю?“ какъ можно учтивѣ спрашиваетъ Соня.

„Опять Мишенька храпитъ“, говоритъ Илюшка, и капнулъ ему горячимъ чаемъ на носъ.

Мишенька только тряхнулъ головой и, не открывая глазъ, промычалъ: „такъ, такъ, разумѣется, и я тоже хотѣлъ сказать....“

„А загадку разгадала?“

„Нѣтъ, никакъ не могу, скажите разгадку“, отвѣчаетъ Соня.

„А я почему знаю?“

„И я не знаю“, сказалъ заяцъ.

„Лучше было бы намъ и не тратить времени надъ такими глупостями“, говоритъ раздосадованная Соня.

„Не тратить времени!“ насмѣшливо повторилъ Илюшка. „Ты не говорила бы такъ легкомысленно, если бы была знакома съ временемъ. Вѣдь времени, небось, не знаешь!“ Тутъ Илюшка значительно поднялъ палецъ вверхъ.

„Я ничего не понимаю“, говоритъ Соня.

„Гдѣ жъ тебѣ, Гнѣденькая! Ты, видно, не пряха, не ткаха!“ съ презрѣніемъ мотнулъ на нее головой Илюшка. „Ты должно быть никогда и не имѣла дѣла съ временемъ?“

„Очень можетъ быть“, уклончиво говоритъ Соня, боясь, что ее опять поднимутъ на смѣхъ.

„Вотъ, за уроками развѣ: мнѣ, признаться, иной разъ съ временемъ просто бѣда—тянется, тянется и конца ему нѣтъ; ужь я сижу, сижу.... А то въ праздникъ нечего дѣлать бываетъ,—опять время тянется. Вотъ тутъ ужь я съ имъ ужасно бьюсь!“

„Ха-ха-ха! Бьешься! Ну, оно и понятно, что ты съ временемъ не въ ладу, коли съ нимъ дерешься. Это дѣло дрянъ! А была бы ты съ нимъ въ ладахъ, какое бы тебѣ было отъ него угожденіе! Сама посуди: примѣрно, девять часовъ утра, пора тебѣ за уроки; а ты только шепнула ему на ухо: не успѣла оглянуться, уже и стрѣлки переведены,—глядь, не 9 часовъ, а половина втораго: обѣдать пора!“

„И какъ бы пора-то!“ заворчалъ заяцъ.

„Это, конечно, было бы славно!“ задумавшись, сказала Соня. „Одно только не совсѣмъ ладно: ну, а какъ я бы еще не проголодалась къ этому времени?“

„Э, пустяки! Время сколько угодно продержитъ стрѣлки на половинѣ втораго“.

„А вы развѣ такъ дѣлаете“? спросила Соня.

„Ни-ни-ни“! замоталъ Плюшка головой. „Съ прошлаго марта....“

„Не поговорить ли о чемъ другомъ,“ зѣвая, вмѣшался тутъ заяцъ. „Миѣ-таки этотъ разговоръ, признаться, куда какъ надоѣлъ. Не мѣшало бы этой ученой барышнѣ рассказать намъ сказку“.

„Ахъ право я ни одной не знаю!“ поторопилась Соня отказаться: очень не понравилось ей такое предложеніе.

„Такъ пусть Мишенька расскажетъ“, закричали оба. „Эй, Соня, будетъ тебѣ спать“! И пошли его съ обѣихъ сторонъ трепать, щипать, покуда не добудились.

„Я вовсе не спалъ“, прохрипѣлъ Мишенька, едва продирая глаза. „Все слышалъ, о чемъ вы, ребята, толковали....“

„Расскажи сказку“, перебилъ его заяцъ.

„Ахъ, да, пожалуйста, расскажите сказку“, просить Соня.

„Да проворнѣй начинай, а то, гляди, опять заснешь“, кричитъ Илюшка.

„Жили-были три сестрицы“, заторопился Мишенька, „и звали ихъ Сашей, Пашей и Дашей; и жили онѣ въ дремучемъ лѣсу, подъ ключомъ“....

„Какъ это подъ ключомъ? Кто ихъ заперъ?“ въ недоумѣннн спрашиваетъ Соня.

„Никто. И сидѣли онѣ въ дремучемъ лѣсу подъ ключомъ“....

„А что онѣ тамъ кушали?“ Соня, надо замѣтить, вообще очень интересовалась ѣдой и питьемъ.

„Дрему“, безъ запинки отвѣчаетъ Мишенька.

„Ахъ, что вы!“ живо вступилась Соня. „Дрема цвѣтокъ; дрему не ѣдятъ! онѣ бы заболѣли отъ него“.

„Ну, да, онѣ и заболѣли, сильно даже хворали, чуть не умерли, а тамъ ничего,

поправились,—хворость, знаете, хворостомъ выбили.“

„Я право не понимаю, что вы такое говорите? Это выходитъ сказка совсѣмъ ни на что не похожая!“

„Такъ вы бы не слушали“, напустился на нее Илюшка. „Хотите еще чаю!“

„Еще!“ обиженно огрызлась Соня. „Довольно странно предлагать *еще*, когда я еще не пила“!

„Я и спрашиваю васъ все ли еще хотите чаю?“

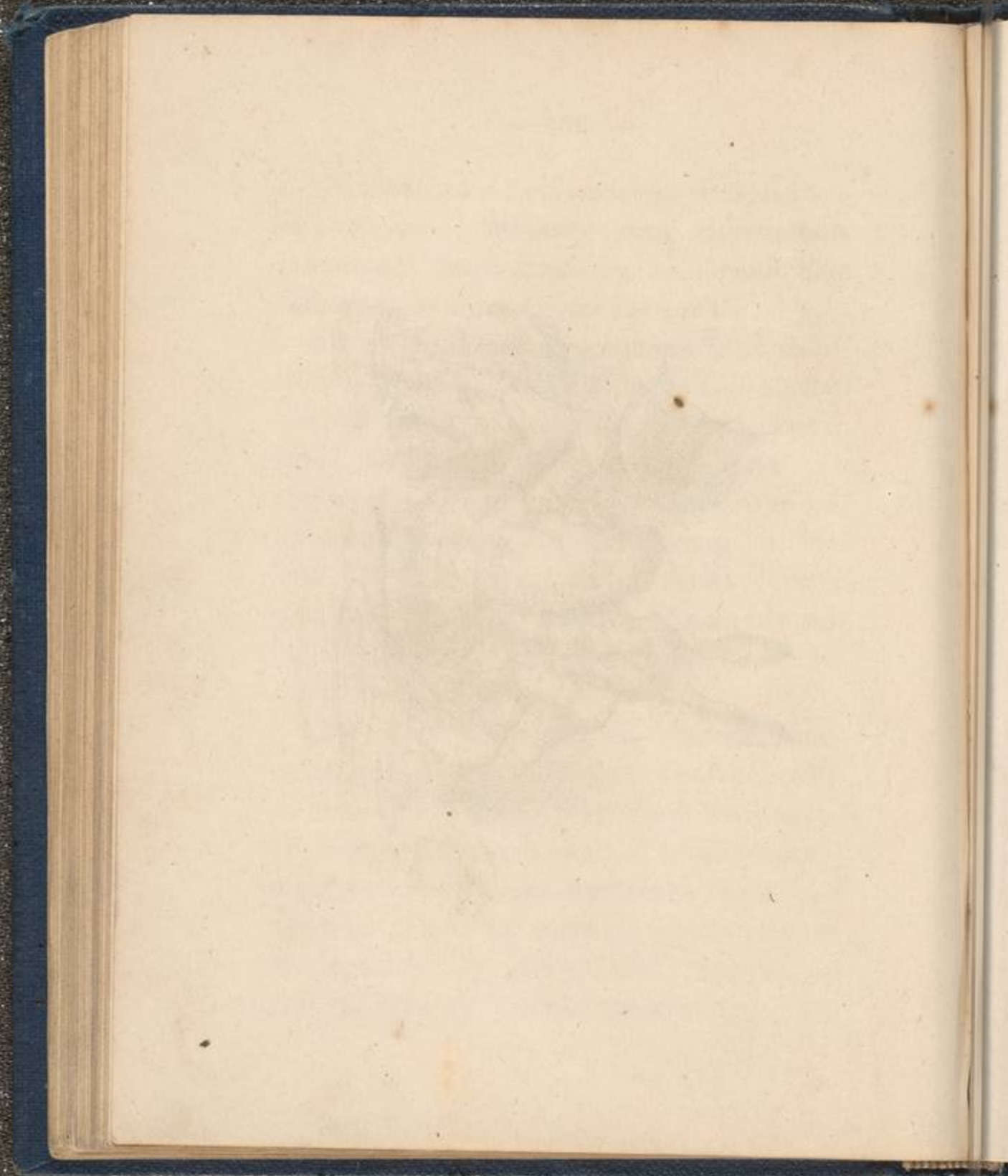
Соня разобидилась, вышла изъ стола и пошла къ двери. Мишенька тотчасъ заснулъ, а тѣ двое не обратили на нее никакого вниманія. Еще досаднѣе стало Сонѣ: она, признаться, ожидала, что попросятъ ее воротиться. Но имъ было не до того; оглянувшись на нихъ въ послѣдній разъ, Соня видитъ: Илюшка съ зайцемъ, оба изъ всѣхъ силъ хлопчатъ огнуть Мишеньку мордой въ чайникъ!

„Ноги моей здѣсь никогда не будетъ— это вѣрно“, говоритъ Соня, пробираясь лѣсомъ. „Такъ глупо я въ жизни еще никогда не проводила времени!“

Идетъ Соня лѣсомъ, видитъ передъ собою дерево; въ деревѣ дверка, и ведетъ дверка прямо въ дерево. Штука странная, но Сонѣ не привыкать стать къ странностямъ! Не задумавшись, она отпираетъ дверку, входитъ въ дерево. Что это? Куда она попала? Глядитъ, опять прежняя, длинная зала; на прежнемъ мѣстѣ стоитъ хрустальный столикъ; на столикѣ золотой ключикъ.

„Погоди“, думаетъ Соня, „теперь я распоряджусь умнѣе“. Сперва взяла со стола ключикъ, потомъ отперла имъ дверку, выходящую въ садъ, и тогда только, вынувъ изъ кармана кусочекъ гриба, лежавшій у нея въ запасъ, стала грызть его помаленьку, осторожно, покуда не довела себя до уровня дверки.

Какова была радость Сони, когда, про-
бравшись корридорчикомъ, она вышла,
наконецъ, въ чудесный садъ, гдѣ пышно
цвѣла и благоухала бездна яркихъ цвѣ-
товъ, гдѣ искрились и били свѣтлые,
прохладные фонтаны!

ИГРА ВЪ КРОКЕТЪ.

Въ саду, у самаго входа, высоко подымался огромный кустъ, весь усыпанный бѣлыми розами въ полномъ цвѣту. Около него трое садовниковъ съ кистями въ рукахъ усердно хлопотали, закрашивая бѣлыя розы въ красный цвѣтъ. Эта затѣя удивила Соню. „Престранную они придумали штуку“, думаетъ Соня, и подошла поближе на нихъ посмотрѣть. Слышитъ, одинъ говоритъ: „эй, Пятерка, берись, всего меня обрызгаль краской!“

„Не я виновать — вонъ Семерка толкнула меня подъ локоть.“

„Такъ, такъ, Пятерка, всегда сваливай съ больной головы да на здоровую“, говоритъ Семерка и сердито взглянула на Пятерку.

„Ужь ты бы молчалъ“, говоритъ Пятерка; „слышалъ, намедни приказывала ея милость снести тебѣ голову?“

„За что это?“ спросилъ первый садовникъ.

„Не твое дѣло“, говоритъ Семерка.

„Нѣтъ, его дѣло“, говоритъ Пятерка.

„Я вотъ скажу за что. За то, что на царскую кухню отпустилъ цвѣточныхъ луковицъ вмѣсто луку — вотъ за что!“

Семерка съ досады бросила кисть, да какъ закричить: „вотъ ужь напраслина, такъ“... да вдругъ, увидавъ Соню, замолчала и уставилась на нее, разиня ротъ. И тѣ двое ее тогда замѣтили, и всѣ трое низко ей поклонились.

„Скажите, пожалуйста“, робко начала

Соня, „для чего вы закрашиваете бѣлыя розы въ красный цвѣтъ?“

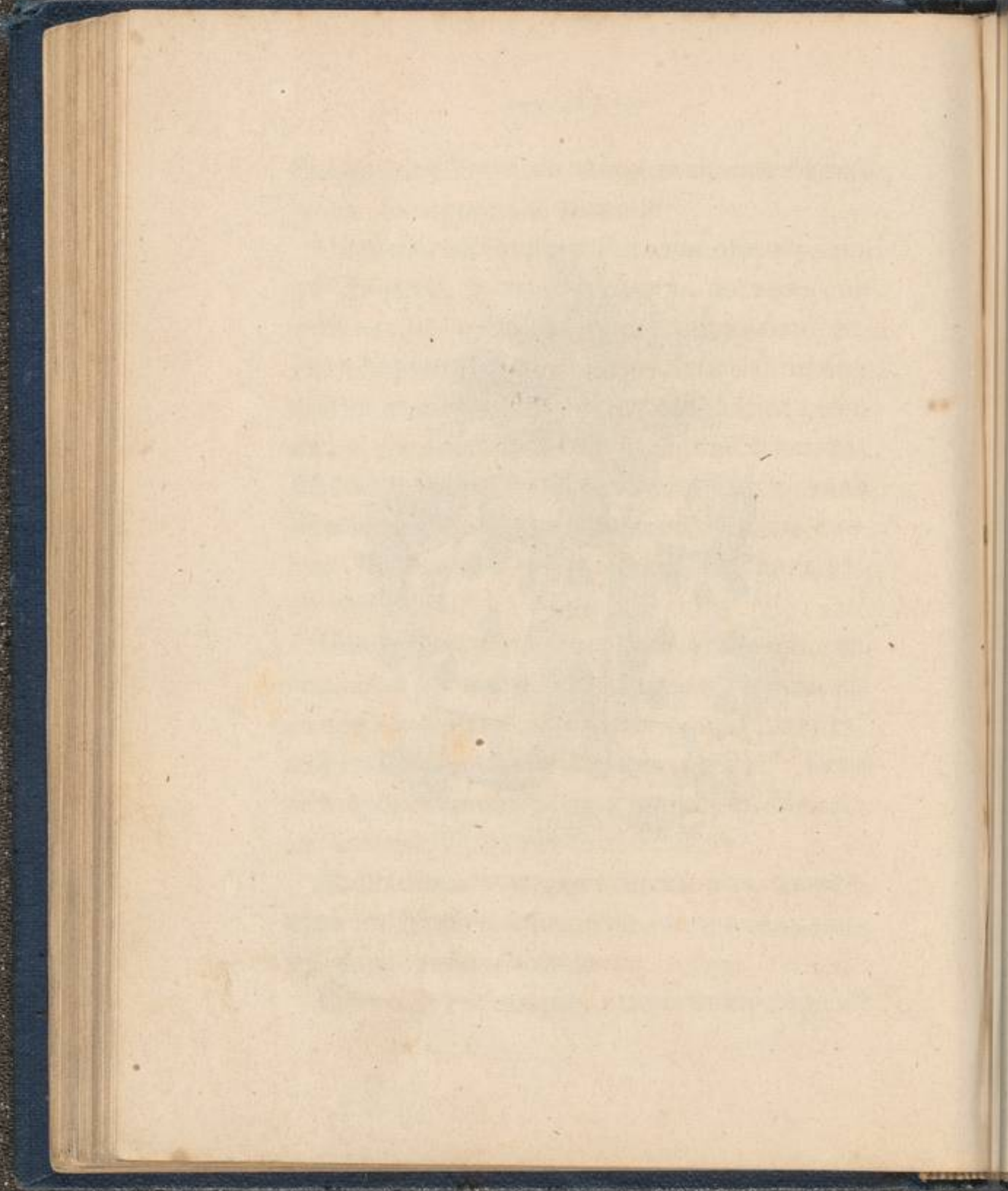
Пятерка съ Семеркой молча оглянулись на Двойку, а эта говорить, да такъ почтительно, въ полголоса: „изволите видѣть, барышня, приказано было на этомъ мѣстѣ посадить кустъ съ красными розами, а по нечаянности посадили бѣлыхъ. Какъ увидить ихъ милость, Червонная Краля, всѣмъ намъ велить головы снести. Вотъ мы и стараемся поправить бѣду до нихъ.“

Пока говорила Двойка, Пятерка, въ большой тревогѣ, глядѣла все въ одномъ направленіи, и вдругъ закричала: „идуть, идуть! Червонная Краля идетъ!“ Тутъ всѣ трое садовниковъ ударились лицомъ въ землю.

Послышался топотъ какъ отъ множества людскихъ ногъ. Соня встрепенулась въ радостномъ ожиданіи.

Вотъ идуть: сперва выступили парами

десять пиковыхъ солдатъ, и всѣ они, какъ вылитые, похожи на трехъ садовниковъ: такіе же плоскіе, продолговатые, всѣ стоятъ вверхъ и внизъ головами, руки справа и слѣва по угламъ. За ними также парами шли десять придворныхъ вальтеровъ, разукрашенные бубнами. За вальтерами шли царскія дѣти; ихъ также было десятеро, и всѣ они, милашки, разодѣтыя съ червонными сердцами, шли парами, держа другъ друга за ручки, и весело подпрыгивали. За ними слѣдовали приглашенные гости, короли и придворныя дамы.

Между гостями, кого же узнаетъ Соня?—старога знакомаго, бѣленькаго кролика! Онъ шелъ торопливо, будто самъ не свой; то заговорить, то поклонится, и такой перепуганный, растерянный, что, проходя мимо Сони, не замѣтилъ ее. За гостями шелъ червонный вальтеръ и на бархатной подушкѣ несъ царскую коро-

ну. Въ самомъ концѣ шествія выступали король и краля червонные.

Соня, было, подумала не слѣдуетъ ли и ей пасть передъ ними ницъ, но, вспомнивъ, что нигдѣ не читала о такомъ обыкновеніи при церемоніальныхъ выходахъ, рѣшила глядѣть на него стоя. „Да и некому было бы любоваться на эти интересныя церемоніи, если бы всѣ лежали, уткнувшись лицомъ въ землю“, разсудила она.

Когда шествіе поровнялась съ Соней, всѣ остановились и стали глядѣть на нее, а червонная краля обратилась къ червонному валету и спрашиваетъ: „это кто такая?“

На это червонный валеть только ослабилъ и зашаркалъ ногами.

„Болванъ!“ закричала на него раздосадованная червонная краля, замотала головой и сама къ Сонѣ: „какъ тебя“, говорить, „милая, звать?“

„Меня, ваше величество, зовутъ Со-ней“, почтительно отвѣчаетъ Соня, а сама думаетъ: „Ахъ батюшки! Да это все карты, карточные короли да крали! чего мнѣ ихъ бояться!“

„А эти, вонъ, кто такіе?“ спрашиваетъ червонная краля, указывая на садовниковъ: они лежали лицомъ къ землѣ, а по рубашкамъ нельзя было узнать солдаты, валеты, или царскія они дѣти.

„Я не знаю, да и не мое это дѣло знать“, отвѣчаетъ Соня, и сама подивилась своей смѣлости.

Червонная краля побагровѣла отъ гнѣва, услышавъ такой отвѣтъ.

Соня не струсилла и смѣло глядѣла ей въ глаза.

Червонная краля хотѣла что-то крикнуть, но замолчала.

„Сама разсуди, душенька, она вѣдь ребенокъ,“ робко вступился король за Соню, кротко положивъ руку червонной кралѣ на плечо.

Она съ гнѣвомъ отвернулась отъ короля и, указывая на лежавшихъ садовниковъ, говоритъ ваяету: „обернуть ихъ лицомъ!“

Ваяеть приподнялъ ихъ ногой и обернулъ лицомъ.

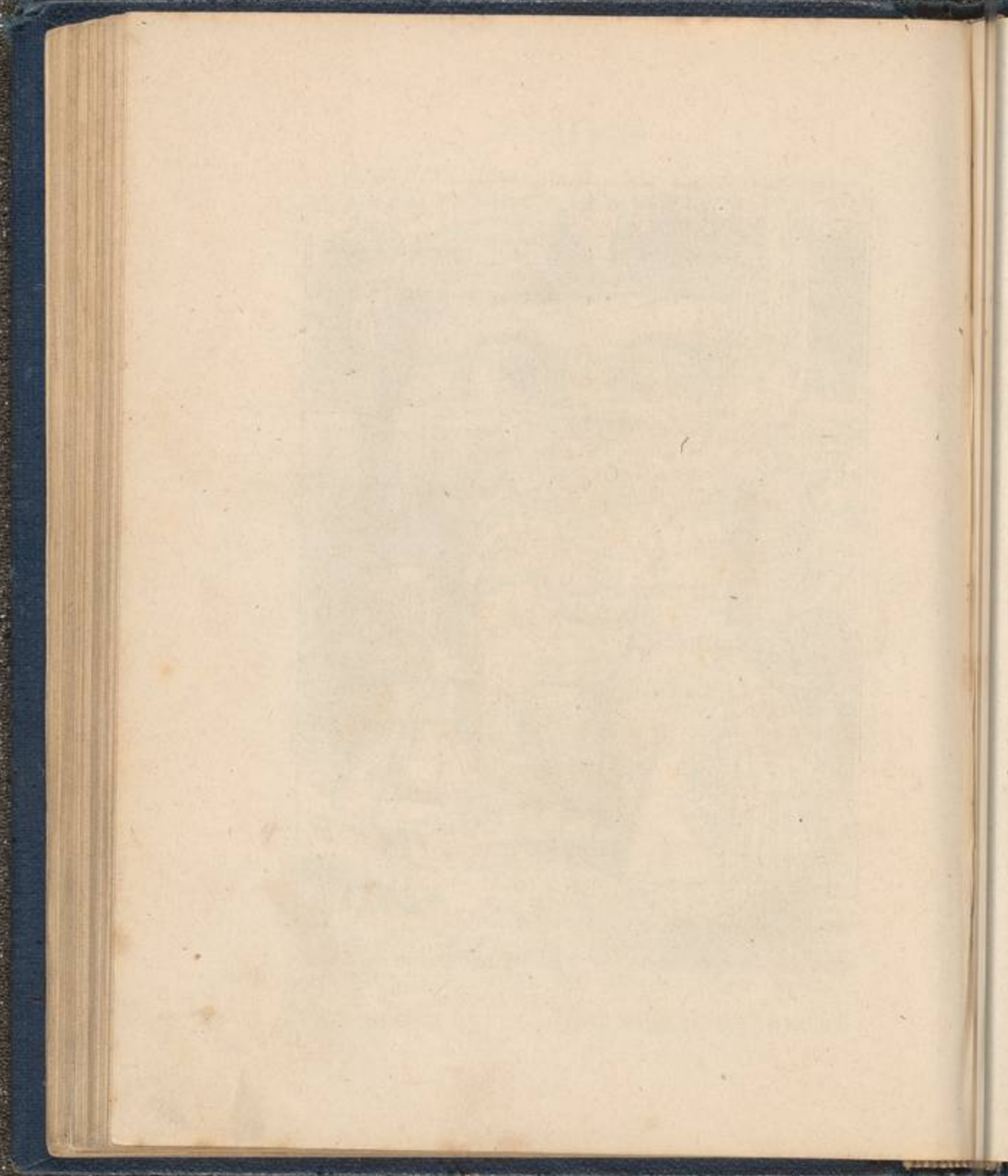
„На ноги фофоны!“ рѣзко прикрикнула краля на нихъ, и садовники горошкомъ вскочили на ноги и принялись кланяться на всѣ стороны: королю, кралѣ, царскимъ дѣтямъ и всѣмъ придворнымъ.

„Будеть, будетъ, болваны! Совсѣмъ завертѣлись!“ Червонная краля отвернулась, увидала красные розаны, взглянула на нихъ и говоритъ: „это что надѣлано?“

Двойка опустилась на колѣнки и говоритъ дрожащимъ голосомъ: „Это, изволи-те видѣть... вашей милости угодно было приказать... мы изволили стараться....“

„Вижу, вижу, вы изволили постараться“, передразнила ее червонная краля, осматривая кусть и погразила кулакомъ.

Шествіе двинулось впередъ. Отстало отъ него лишь трое солдатъ, чтобы исполнить приговоръ надъ бѣдными садовниками, которые бросились къ Сонѣ, умоляя защитить ихъ.

„Не бойтесь, останетесь цѣлы“, сказала имъ Соня; взяла и сунула всѣхъ троихъ въ цвѣточный горшокъ.

Солдаты поискали, поискали и, недоискавшись ихъ, преспокойно отправились себѣ назадъ.

„Умѣешь ты играть въ крокетъ?“ Вдругъ крикнула краля.

Солдаты молча взглянули на Соню, догадавшись, что къ ней обратилась червоная краля съ вопросомъ.

„Умѣю“, отвѣчала Соня.

„Такъ иди сюда“, заревѣла краля и Соня пошла за шествіемъ.

„Прекрасная нынче погода“, запищаль кто-то тоненькимъ голоскомъ около Сони; она оглянулась, — видитъ бѣленькій

кроликъ идетъ и заглядываетъ ей въ лицо.

„Да, погода прекрасная“, говоритъ Соня. „А гдѣ пиковая княгиня“.

Ш-ш, молчи, ради Бога!“ шепчетъ кроликъ, а самъ боязливо озирается на всѣ стороны. Потомъ, поднявшись на цыпочки, онъ шепчетъ ей на ухо: „не знаешь развѣ, она была подъ судомъ, приговорена къ смерти!“

„За что это?“ спрашиваетъ Соня.

„Ты говоришь, какъ жаль это?“ переспросилъ кроликъ.

„Совсѣмъ я этого не говорила! Чего мнѣ ее жалѣть! Я сказала: за что это“.

„Тише, тише, ради Бога! Ну какъ услышитъ она! Это, видишь, какъ случилось: позвала она пиковую княгиню къ себѣ на вечеръ играть, а та чуть чуть опоздала; и говоритъ ей она.....“

„По мѣстамъ!“ заревѣла тутъ Червоная Краля на всю площадь. Всѣ испуга-

лись, переполошились, — словно громом оглушило всѣхъ. Поднялась бѣготня, толкотня: одни наскакивали на другихъ, сшибали другъ друга съ ногъ, видались опрометью впередъ, летѣли кувыркомъ чрезъ головы, и чего, чего тутъ не было! Однако, стали униматься по немногу; пришли въ себя, устроился порядокъ, началась игра.

Но что за игра! Такой игры Соня никогда не видывала! Площадка вся неровная: гдѣ доска гнилая, гдѣ торчитъ ребромъ, а гдѣ вовсе провалилась. Въ-место шаровъ живые ежи; въ-место арокъ — картонные солдаты стоятъ другъ у друга на головѣ, перегнувшись въ три погибели; въ-место молотковъ — живые журавли.

Главнымъ затрудненіемъ для Сони было справляться съ своимъ журавлемъ: никакъ ни приноровится схватить его половчѣе; только она его возьметъ на

руки, онъ наровить вывернуться, про-сунетъ длинную шею ей подъ руку и глядитъ въ глаза, да такъ смѣшно, что Соня расхохочется. Пока она опять укладываетъ его и, дождавшись очереди, идетъ играть, смотритъ: либо ежи сбѣжали въ сторону, либо пустились въ драку.

Поглядѣла, поглядѣла Соня, да и рѣшила, что труднѣе этой игры ничего не придумаешь. Игроки безпрестанно путались; играли всѣ разомъ, не дожидаясь очереди, и спорили изъ-за ежей.

Соня стала озираться, нѣтъ ли гдѣ лазейки, куда бы незамѣтно скрыться. Подняла глаза, — что за диво! Въ воздухѣ стала показываться морда съ оскаленными зубами! „Это должно быть сибирская кошка“, догадалась Соня и очень обрадовалась, что будетъ съ кѣмъ поболтать.

„Какъ поживаешь?“ говоритъ кошка,

лишь только вышло довольно морды, чтобы можно было говорить. Соня дождалась, покуда у кошки вышли глаза и думаетъ: „пусть еще выйдутъ уши, а то, что пользы говорить: пожалуй, не услышать!“ Наконецъ явилась вся голова и на этомъ стала. Соня рада, что есть кому ее слушать, и пустилась рассказывать объ игрѣ въ крокетъ.

„И какъ они безтолково играютъ“, жадно начала Соня, „вы себѣ представить не можете! Никакого порядка; никто никого не слушаетъ; говоришь, — самого себя не разслышитъ; ссорятся, дерутся, спорять, никакихъ правилъ не соблюдаютъ. Съ молотками и шарами—бѣда! Все живые, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто;хватишься шара, а онъ куда-то уползъ, поди, ищи его. Не повѣрите, какъ трудно! Съ одними журавлями голова кругомъ идетъ. Вотъ я бы непременно выиграла партію у червонной крали; гляжу,

гдѣ мой шаръ—а онъ вцѣпился въ драку съ чужимъ ежомъ,—ну, разнимать надо!“

„А какъ тебѣ нравится червонная краля?“ въ полголоса спрашиваетъ кошка.

„Совсѣмъ не нравится“, говоритъ Соня, „у нея, знаете, такой ужасный...“ Тутъ Соня замѣчаетъ, за плечемъ у нея стоитъ червонная краля, прислушивается.

Струсила Соня,—однако, тотчасъ нашаплась, поправила себя, говоритъ: „такое ужасное счастье, что играть съ нею невозможно!“

На это краля самодовольно улыбулась и пошла дальше.

„Съ кѣмъ это ты разговариваешь?“ спрашиваетъ Король, подойдя къ Сонѣ.

„Это знакомая мнѣ сибирская киска“, говоритъ Соня. „Позвольте мнѣ ее вамъ представить“.

„Морда ея мнѣ вовсе не нравится“, говоритъ Король, „однако, если желаетъ, пусть приложится къ моей рукѣ“.

„Избавьте отъ чести“, сухо сказала кошка.

„Не груби, смотри! Чего ты палишь на меня глазища!“ сказалъ Король и сталъ Сонѣ за спину.

„И чего она здѣсь торчитъ! вовсе не у мѣста“, рѣшилъ онъ. „Прикажи ее, душенька, отсюда убрать“, обратился онъ къ червонной кралѣ.

Соня видитъ, здѣсь ей дѣлать нечего, пошла взглянуть на игроковъ: трое изъ нихъ уже были приговорены къ смерти. Слышитъ издали: крикъ, гамъ — это буетъ червонная краля. Соня подходитъ, видитъ: игроки всѣ перебунтовались. Что ей дѣлать! Пошла отыскивать своего ежа да журавля; застаётъ ихъ въ дракѣ съ другимъ ежомъ да журавлями. „Самое время“, думаетъ Соня, „схватить ихъ!“ Поймала обоихъ, ежа завернула въ платокъ, журавля сунула подъ мышку, стала дожидаться своей очереди.

Дождалась, опять бѣда! Валеты соскочили другъ у друга съ головы, борятся, повалились, а остальные сбѣжались ихъ разнимать. У Сони съ досады опустились руки. Пока приводили все въ порядокъ, Соня опять хватилась ежа—нѣтъ его; выскользнулъ изъ платка! куда дѣвался? Соня глядитъ, ищетъ, а онъ вонъ гдѣ:—въ садъ уползъ, забрался въ самую глушь, шуршитъ тамъ, роется въ кучѣ сухихъ листьевъ. Она за нимъ; поймала, уложила, притащила къ крокету, а на крокетѣ уже никого нѣтъ: игра кончилась.

„Пожалуй“, разсуждаетъ Соня, „не стоило и доигрывать такой безтолковой партіи!“ Она завязала ежа въ платокъ и хотѣла уходить, но вдругъ передъ ней пиковая княгиня, да такая добрая.

Соня въ звѣринцѣ.

„Ужъ какъ же я рада тебя видить, душенька!“ говоритъ Пиковая княгиня и, взявъ Сою подъ руку, пошла съ нею прохаживаться.

И Соня рада, что Пиковая княгиня теперь въ хорошемъ расположеніи духа. „Отъ лука и чеснока должно быть она была такая сердитая давича, въ кухнѣ! Когда я буду княгиней, никогда не позволю держать чеснокъ на кухнѣ“, рѣшила Соня. „И на что онъ! въ супъ никуда не годится, только портить. Вотъ сахаръ и леденецъ другое дѣло! Отъ не-

го дѣти бываютъ такія добренькія, кроткія; еслибъ знали это большіе, не стали бы такъ скупиться на него.“ И Соня очень была довольна, что додумалась до такой премудрости; и такъ она раздумалась о леденцѣ и сахарѣ, что совсѣмъ забыла о подругѣ своей, Пиковой княгинѣ, даже вздрогнула, какъ та закричала ей на ухо: „о чемъ ты, душенька, такъ задумалась, что забыла про мяня? Изъ этого выходитъ нравоученіе, что бишь.... погоди, дай вспомнить!“

„Можетъ быть и ничего изъ этого не выходитъ?“ замѣтила Соня.

„Что ты, что ты, дитятко! Изъ всего всегда можно вывести нравоученіе,—надо только придумать его.“ И Пиковая княгиня еще крѣпче обняла Соню. А Сонѣ вовсе это не нравилось по двумъ причинамъ: первое — Пиковая княгиня была ужусно дурна собой; второе — она упиралась ей подбородкомъ прямо въ плечо,

а подбородокъ у ней былъ преострый. Однако, не желая быть неучливой, Соня рѣшилась терпеть.

„Игра, кажется пошла на ладъ“, говоритъ Соня, чтобы завязать разговоръ.

„Какъ же, какъ же“, поддакнула Пикова княгиня. „Отсюда правоученье: любовью свѣтъ держится!“

„А я такъ слыхала, что дѣло мастера боится“, пролепетала Соня.

„Пожалуй, и такъ: это почти одно и то же“, согласилась Пикова княгиня. „Отсюда правоученье: лишь бы былъ смыслъ, а слова сами придутъ.“ Тутъ она опять ткнулась острымъ подбородкомъ въ плечо Сонѣ.

„И что она за охотница ко всякому слову причитывать!“ думаетъ Соня.

„Я рада бы еще крѣпче тебя обнять, чтобъ доказать тебѣ свою дружбу“, вдругъ говоритъ Пикова княгиня, „да вотъ звѣ-

рокъ, что у тебя въ платкѣ, что то очень топорщится, какъ бы его не раздражить!“

„Пожалуй, раздражишь, можетъ уколоть“, поспѣшила сказать Соня, вовсе не желая обниматься съ княгиней.

„Правда, правда, и я слыхала, что ежъ, что горчица, больно кусаются... Отсюда нравоученье, что свой своему поневолѣ брать!“

„Но вѣдь горчица не животное“, замѣтила Соня.

„Опять таки твоя правда“, говоритъ княгиня. „И что ты за умница? Слово скажешь—рублемъ подаришь!“

„Горчица, кажется, изъ царства ископаемых“, говоритъ Соня.

„Разумѣется“, говоритъ княгиня, которая, казалась, готова была согласиться со всѣмъ, что ни скажетъ Соня. „Вотъ даже не-подалеку отсюда есть горчичныя копи, какъ же не ископаемое! Отсюда

выходить, что сколько ни копи, довольно не накопишь!“

„Ахъ, знаю теперь, вспомнила!“ закричала Соня, не разслыхавъ послѣднихъ словъ княгини. „Горчица изъ царства растительнаго: это овощъ, хотъ видомъ и непохожа на растеніе“.

„И на этотъ разъ совершенно согласна съ тобою“, говоритъ княгиня. „Отсюда нравоученье: будь тѣмъ, чѣмъ хочешь; проще говоря: всегда будь такою, какою желаешь казаться другимъ, но такъ, чтобы не замѣтили другіе, что ты желаешь казаться такою, какою ты желаешь показаться другимъ, а чтобы думали другіе, что ты дѣйствительно такая, какою желаешь казаться!“

„Если бы вы потрудились мнѣ это записать, оно было бы мнѣ понятнѣе, а то я никакъ не могу поспѣть за вами, всѣ слова перепутались“, говоритъ Соня какъ можно учтивѣе.

„О, это что! пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что я могу сказать, если захочу!“ говоритъ княгиня и самодовольно улыбнулась.

„Нѣтъ, ужь пожалуйста не трудитесь: хорошенькаго по немножку, — и то ужь у меня голова совсѣмъ закружилась“, поспѣшила Соня отказаться.

„Какой это трудъ, душенька! Я даже отъ всей души готова подарить тебѣ каждое свое слово!“

„Дешевый подарокъ!“ думаетъ Соня. „Бѣда, если бы такъ дарили къ рожденію и именинамъ!“

„Опять задумалась!“ говоритъ княгиня и ткнула ей подбородкомъ въ плечо.

„Никто, кажется, не запрещаетъ мнѣ думать“, рѣзко говоритъ Соня: ей сильно стало надоѣдать приставаніе Пиковой княгини.

„Что ты, что ты, миленькая! ни тебѣ мечтать, ни свиньѣ летать — никто не впра-

вѣ запретить! И выходить изъ э...“ На этомъ, къ удивленію Сони, голосъ Пиковой княгини разомъ оборвался, и она вся затряслась; Соня взглянула—передъ ними, скрестивши руки, стоитъ Червонная Краля, насупившись словно грозная туча.

„Погода нынче прекрасная, ваше величество!“ запищала Пиковая княгиня чуть слышнымъ трепетнымъ голоскомъ.

„Погоди!... я тебѣ покажу погоду!“ заорала Червонная Краля, и топнула ногой.

Пиковая княгиня, долго не думая, давай Богъ ноги!

„Пойдемъ теперь доигрывать партію“, обратилась къ Сонѣ Червонная Краля.

А Соня, глядя на нихъ, такъ перетрусилась, что стоитъ сама не своя, и молчкомъ побрела за Кралей.

Тѣмъ временемъ игроки, пользуясь отсутствіемъ Крали, расположились подъ деревьями отдыхать. Лишь завидѣли они ее, повскакали съ мѣстъ, и назадъ къ кро-

кету! а Червоная Краля ну ихъ подгонять!

Вдругъ Червоная Краля раскраснѣвшись, запыхавшись, говоритъ Сонѣ: „а видѣла ты мой звѣринецъ?“

„Нѣтъ“, отвѣчала Соня, „что это за звѣринецъ?“

„А вотъ увидишь; всѣ они идутъ ко мнѣ на кухню.“

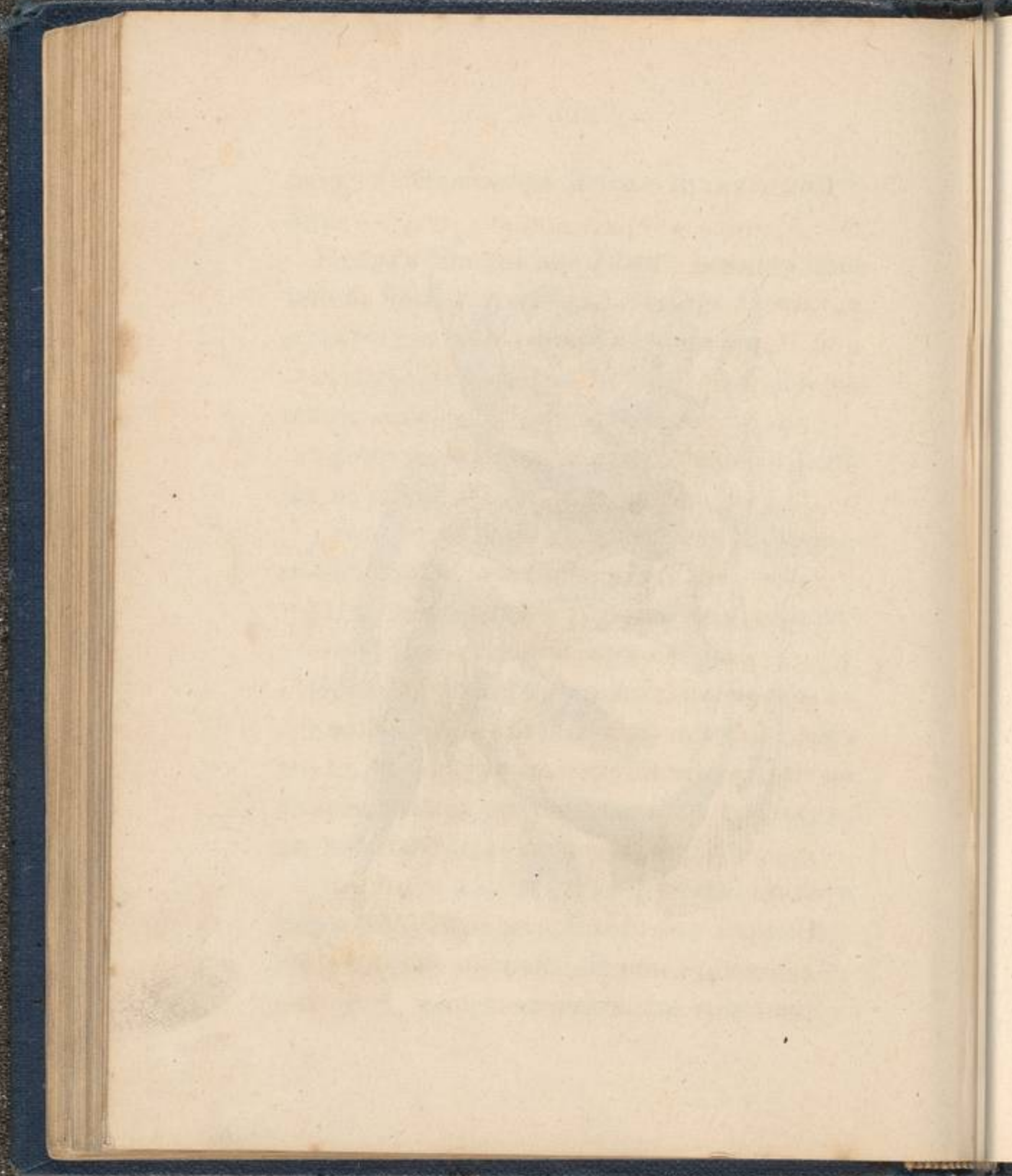
„Такого звѣринца я никогда не видывала“, говоритъ Соня.

„Ну, такъ увидишь; пойдемъ, они сами тебѣ расскажутъ про себя.“

Первый попавшійся имъ звѣрь былъ грифонъ. Пригрѣвшись на солнцѣ, онъ спалъ, свернувшись клубкомъ. (Если не знаете, что за звѣрь Грифонъ, взгляните на картинку).

„На ноги, лѣнтый?“ закричала на него Червоная Краля. „Сведи эту барышню къ телячьей головкѣ. И она бросила Соню одну, глазъ на глазъ съ грифономъ.

Сонѣ крѣпко не понравилась наружность этого звѣря; однако, подумавши, она рѣшила, что вѣрнѣе, пожалуй, остаться съ нимъ, чѣмъ идти за этой свирѣпой Червонной Кралей. Стала Соня и ждать.

Грифонъ протеръ себѣ глаза, поглядѣлъ Кралѣ вслѣдъ и, когда она скрылась изъ виду, загоготалъ: „шутиха!“ не то про себя, не то вслухъ.

„Кто это шутиха?“ спросила Соня.

„Конечно, она! сказалъ грифонъ. Все у нея одно воображеніе!.... все грозитъ снести голову! никому никогда не сносили головъ—всѣ цѣлехоньки! ну, какъ же не шутиха! иди сюда!“

„Отроду такъ мною не командовали!“ думаетъ Соня и потихоньку пошла за грифономъ.

Немного они прошли, какъ завидѣли „телячью головку“. Изъ брони черепахи торчала телячья голова; хвостъ и зад-

нія ноги—теленка, переднія лапы—черепахи. Грустно и одиноко сидѣла она на обломкѣ скалы. Подойдя къ ней поближе, Соня слышитъ: вздыхаетъ телячья головка, будто сердце у нея надрывается.

Разжалобилась Соня надъ ней. „О чемъ она груститъ?“ спрашиваетъ она грифона, а грифонъ говоритъ: „все это у нея одно воображеніе, никакого горя у нея нѣтъ. Подойдемъ къ ней.“

Подошли, а телячья головка только глядитъ на нихъ большими, заплаканными глазами, ничего не говоритъ.

„Вотъ барышня пришла послушать твои рассказы“, говоритъ ей грифонъ.

„Пожалуй, расскажу“, глухимъ голосомъ, мрачно выговорила телячья головка. „Садитесь оба и не говорите ни слова, покуда я не кончу.“

Усѣлись и молчатъ.

Долго ли, нѣтъ ли, они молчали, только Сонѣ начало надоѣдать такъ сидѣть.

„Однажды“, замычала, наконецъ, телячья головка, и тяжело вздохнула, „я была настоящимъ теленкомъ.“ За этимъ настало долгое молчаніе: телячья головка опять зарыдала, а грифонъ передразниваетъ ее, — также всхлипываетъ. Соня потеряла терпѣніе и собралась было уходить, поблагодаривъ за пріятную бесѣду, но ей вдругъ стало жалко телячью головку и она рѣшилась подождать; усѣлась опять и молчить.

„И жилось намъ хорошо, телятамъ, какъ вздумали вдругъ сдѣлать изъ насъ черепахъ и отдали насъ въ ученье къ старой черепахѣ, жившей въ морѣ“, нѣсколько успокоившись и лишь изрѣдка всхлипывая, продолжаетъ телячья головка. „Море это было не настоящее, а соленый бассейнъ, но мы его называли моремъ.“

„Почему же вы его называли моремъ.“

когда оно было не настоящее?“ спросила Соня.

„Мы его называли моремъ, потому что насъ тамъ морили“, сердито отвѣчала телячья головка. „И воспитывали насъ прекрасно....“

„Я тоже хожу въ школу, нечего вамъ стало - быть, такъ хвастаться!“ прерываетъ Соня.

„А есть у васъ дополнительные предметы за особую плату!“ хвастливо спросила телячья головка.

„Какже, французскій и музыка.

„А стиркѣ васъ учать?“

„Какой вздоръ! конечно, не учать“, съ негодованіемъ говоритъ Соня.

„Ну, хороша же эта *ваша* школа! самая пустая!“ рѣшительно выговорила телячья головка и самодовольно вздохнула. „Нѣтъ у насъ учили.“

„Что же вы стирали? вѣдь вы жили въ водѣ?“ насмѣшливо замѣтила Соня.

„По бѣдности я немогла этому обучаться“, вздохнула телячья головка. „Ну чему же васъ учать?“

„Насъ сначала учать читать, потомъ идутъ склоненіе, спряженіе...“

„Да, да, да“, подхватила телячья головка, „слоняніе, наряжаніе...“

„А по сколько часовъ въ день васъ учили?“ поторопилась Соня повернуть разговоръ, видя, что головка понесла чепуху.

„По десяти часовъ въ первый день, по девяти—на второй, и такъ далѣе, все на ущербъ.“

„Скажите, какой странный порядокъ?“ удивилась Соня.

„Ничего не странно! Сама увидишь. Вѣдь иначе никогда не отъучишься! Вотъ понемногу ученье-то и убавлялось.“

Такая новая мысль очень заняла Соню; она задумалась надъ ней и собралась, было, съ новымъ вопросомъ.

Телячья головка глубоко вздохнула, провела лапой по глазамъ, поглядѣла на Соню, будто желая что-то сказать, но рыданія заглушили ей голосъ.

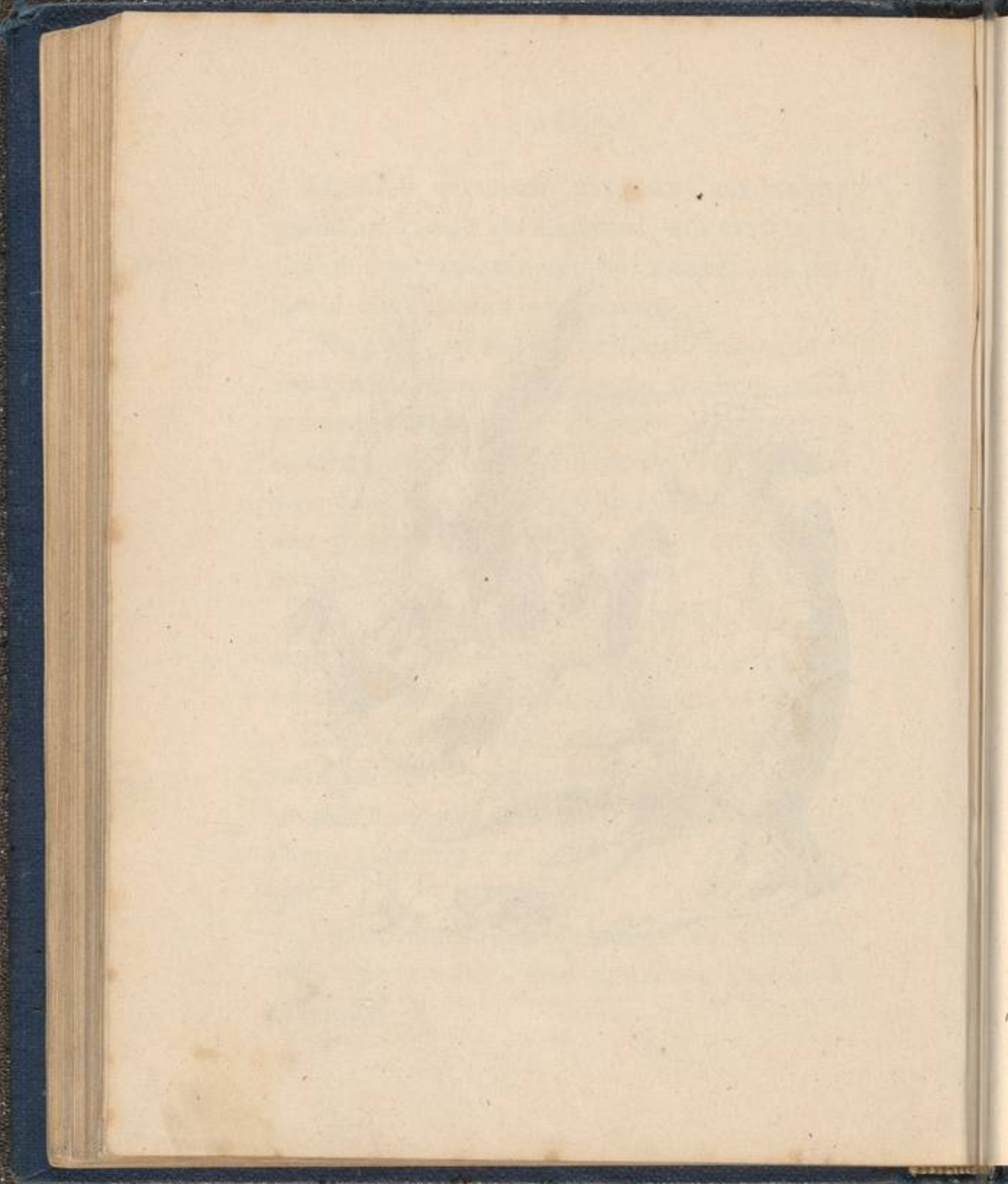
„Ни дать, ни взять подавилась костью!“ говоритъ грифонъ, и ну ее тормошить и колотить въ спину. Послѣ этой трепки телячья головка пришла въ себя; слезы все еще текли по ея щекамъ, однако она успокоилась настолько, что могла проговорить:

„Ты, можетъ быть, не жила на днѣ морскомъ, и потому не имѣла случая познакомиться съ морскимъ ракомъ?“

„Случалось его пробовать, когда подавали къ сто...“ начала было Соня, но поскорѣе замолчала, боясь кого-нибудь обидѣть. „Никогда не случалось“, говоритъ она.

„Слѣдственно, ты никакъ не можешь себѣ представить всю прелесть раковой пляски!“

„Никакъ не могу“, согласилась Соня.
„Что это за пляска?“

„Не желаешь ли посмотрѣть,—мы, пожалуйста, пропляшемъ?“ предложилъ грифонъ.

„Съ удовольствіемъ“.

„Давай, пропляшемъ первую фигуру!“ говоритъ грифонъ телячьей головкѣ.

Телячья головка утерла слезы и охотно согласилась.

Начали: пошли кружиться около Сони, то задѣнуть ее хвостомъ, то отдавать ей ногу.

„Благодарю васъ, очень занимательная эта пляска!“ говоритъ Соня, а сама ждетъ не дождется конца.

Наконецъ кончили.

„Ты бы рассказала намъ теперь про свои приключенія,“ обратился вдругъ грифонъ къ Сонѣ.

„Съ удовольствіемъ расскажу вамъ, что было со мною, но только съ сегодняш-

няго дня“, робко начала Соня. „Про вчерашній не стоить говорить, потому что вчера я была совсѣмъ не той, чѣмъ стала нынче съ утра“.

„Что-то непонятно — объясни“, говоритъ телячья головка.

„Прошу безъ объясненій; отъ нихъ одна скука. Начинай прямо съ приключеній“, говоритъ грифонъ.

И пошла Соня имъ рассказывать, что было съ нею съ тѣхъ поръ, какъ, увидавши бѣлаго кролика, она погналась за нимъ. Сначала она робѣла и нѣсколько сбивалась и было съ чего: оба звѣря подсѣли близко къ ней и, широко разинувъ пасть, вынучили на нее глаза. Вскорѣ, однако, она оправилась и стала говорить смѣлѣй. Слушатели ея сидѣли смиренно, чинно и не прерывали ея, покуда не дошла она до того мѣста, гдѣ червякъ велѣлъ ей прочитать наизусть „Близко

города Славянска“ и слова у нея выходили всѣ на выворотъ.

„Оказія!“ проговорила тутъ телячья головка и глубоко вздохнула.

„Да, признаться,—оказія!“ поддакнулъ грифонъ.

„И все выходило на выворотъ?“ задумчиво переспросила телячья головка.

„Любопытно было бы ее прослушать; велика ей сказать что-нибудь,“ обратилась она къ грифону, словно онъ болѣе ея имѣлъ права командовать Соней.

„Встань и прочитай наизусть *Разъ въ крещенскій вечерокъ*,“ ...приказалъ грифонъ.

„И они туда же распоряжаться! задавать уроки! это выходитъ, ни дать ни взять, та же школа!“ думаетъ Соня, однако встала, начала. И понесла она такую чепуху, что и сама себя не разберетъ: пляшутъ у нея въ головѣ поросята, разные звѣри, а языкъ болтаетъ,—не сладить она съ нимъ никакъ:

„Разъ, собравшись въ кружокъ,
Пѣтухи гадали,
На ворота колпачокъ,
Снявъ съ ноги, сажали...“

Соня остановилась — стыдно ей и досадно стало; она закрыла лицо руками и думаетъ „будетъ ли всей этой чепухѣ конецъ?“

„Не мѣшало бы тебѣ объяснить“, начала было телячья головка, но грифонъ перебилъ ее.

„Гдѣ ей“, говоритъ, „объяснить! И сама-то себя не разберетъ.“

„Не желаешь ли, мы пропляшемъ тебѣ вторую фигуру раковой кадрили? А то, не попросишь ли телячью головку спѣть намъ пѣсеньку?“ предложилъ грифонъ.

„Ахъ, да, пожалуйста пѣсеньку! Будьте такъ добры, спойте что-нибудь“, говоритъ Соня телячьей головкѣ.

Телячья головка тяжело вздохнула и

дрожащимъ голосомъ, прерываемымъ рыданьемъ, затынула:

„Ахъ, прекраснѣйшій супъ
Изъ головки телячьей!...“

Только что заголосила телячья головка, какъ вдругъ издали послышался крикъ: „къ суду, къ суду; допросъ начался!“

„Идемъ!“ заторопился грифонъ, и, не дождавшись конца пѣсни, схватилъ Соню за руку и пустился бѣжать.

„Какой допросъ? кого судятъ?“ допрашиваетъ Соня, едва переводя духъ; а грифонъ только пуще торопитъ ее и самъ шибче бѣжить.

Издалека, все слабѣе и слабѣе доносились до нихъ замирающіе звуки жалобной пѣсни телячьей головки:

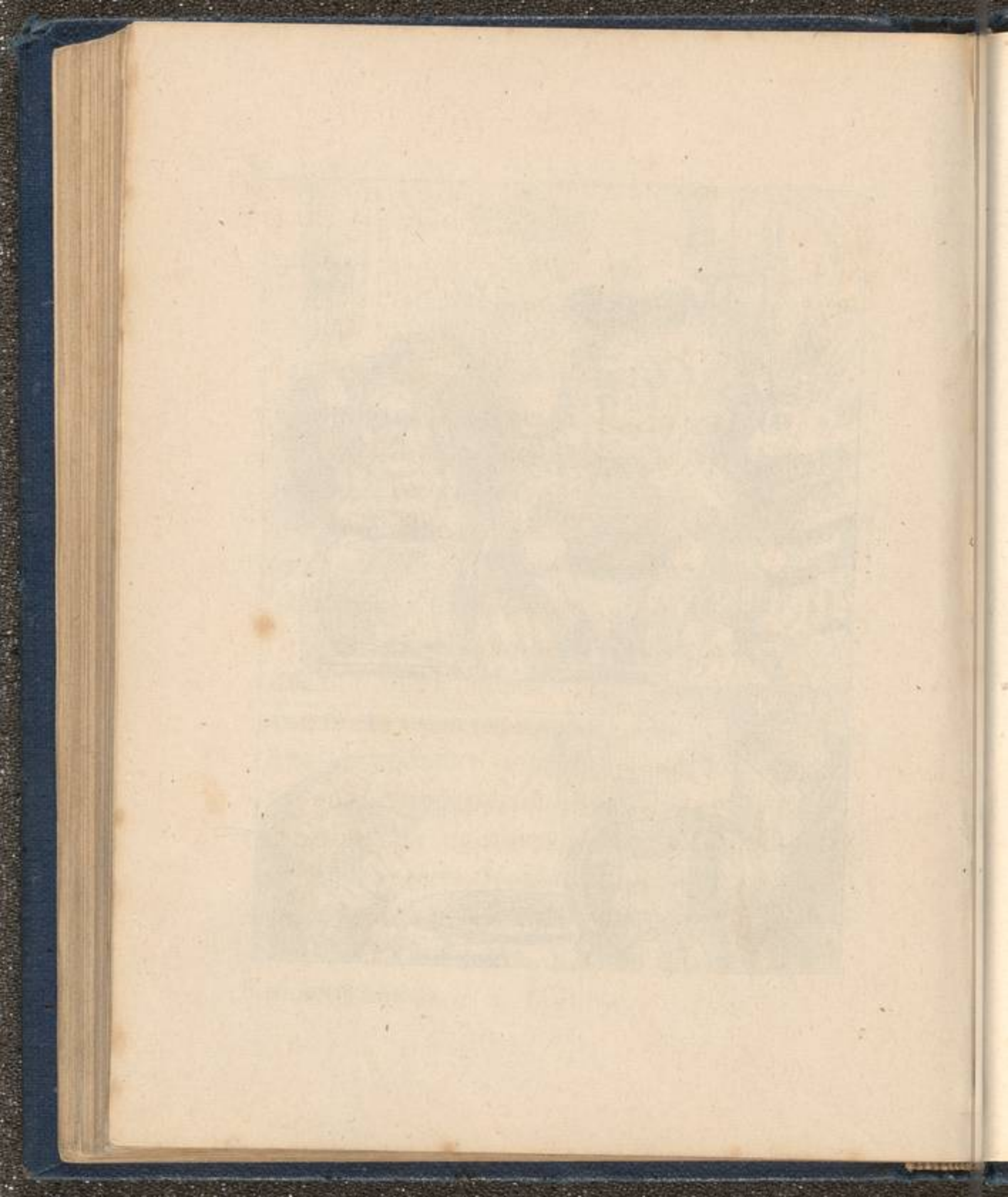
„Ахъ, прекраснѣйшій супъ
Изъ головки телячьей!...“

ЗАСЪДАНІЕ СУДА.

На тронѣ сидѣли Король и Краля Червонные; около нихъ собралась большая толпа изъ мелкихъ пташекъ и всякихъ звѣрятъ; тутъ же выстроилась вся колода картъ.

Подсудимый, Червонный Валетъ, въ цѣпяхъ стоялъ передъ трономъ, охраняемый двумя стражами. Возлѣ Короля бѣлый кроликъ держалъ въ одной рукѣ звонокъ, въ другой—большой свертокъ бумаги. На срединѣ залы, на столѣ было поставлено большое блюдо съ сладкими пирожками. И что за вкусные пирожки! Глядя на нихъ, у Сони глаза и зубы разгорѣлись.

Соня никогда еще не бывала въ засѣданіяхъ суда, но слыхала толки о нихъ.

„Этотъ вотъ—судья, потому, что у него цѣпь на груди“, думаетъ Соня. А на этотъ разъ судьей былъ самъ Король.

„А тамъ вонъ скамья, а на ней сидятъ все разныя животныя. Это должно быть пристяжные“, подумала Соня. Она, видите, говорила пристяжные, потому, что не совсѣмъ затвердила слово *пристяжные*.

„Да, это пристяжные, пристяжные“, повторяла она, съ самодовольствіемъ нѣсколько разъ кряду, а сама думаетъ: „это, пожалуй, знаетъ не каждая дѣвочка однихъ со мною лѣтъ!“

Эти двѣнадцать *пристяжныхъ* усердно строчили что-то на грифельныхъ доскахъ.

„Что они пишутъ? И о чемъ имъ писать, когда судъ еще не начался?“ шепнула Соня на ухо грифону.

„Имена свои учатся подписывать, не

равно забудутъ до окончанія суда“, шепнулъ ей грифонъ въ отвѣтъ.

„Глупыя тва...!“ крикнула Соня, но испугалась и остановилась на полсловѣ.

„Тише господа!“ громко крикнулъ бѣлый кроликъ.

Король надѣлъ очки и съ досадою оглянулъ собраніе.

Соня съ своего мѣста замѣтила, какъ всѣ присяжные записали на своихъ доскахъ: „глупыя тва..!“

Еще ей показалось, что одинъ изъ присяжныхъ не зналъ: писать ли глупые или глупыя, и шептался объ этомъ съ сосѣдомъ.

„Ну, славная у нихъ выйдетъ каша на доскахъ?“ думаетъ Соня. У одного изъ присяжныхъ грифель нестерпимо визжалъ; этого не выдержала Соня, — встала, прокралась задними рядами къ скамьѣ присяжныхъ, стала за виновнымъ, и, дождавшись удобнаго случая, выхватила у

него грифель. Она сдѣлала это такъ ловко и проворно, что бѣдненькій, маленькій присяжный не догадался, куда дѣвался его грифель. Поискалъ, поискалъ, искоса посмотрѣлъ на кралю, и пошелъ водить пальцемъ по доскѣ. Хоть мало изъ этого толку, а все же на видъ какъ будто дѣло дѣлаетъ.

Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и въ залу ввалился Враль-Илюшка; въ одной рукѣ у него чашка чая, въ другой — кусокъ хлѣба.

„Прощенія просимъ, ваше величество“, обратился онъ къ Королю, „я сидѣлъ за чаемъ, да вижу, что пора идти, ну и захватилъ чашечку. И тутъ можно допить“.

„Шляпу долой!“ закричалъ на него Король.

„Никакъ невозможно, ваше величество“, говоритъ Илюшка, „я шляпами торгую, изволите видѣть, — шляпа у меня служить вывѣской“.

Тутъ Червонная Краля надѣла очки и выпялила глаза на Илюшку, да такъ страшно, что Илюшка поблѣднѣлъ и весь затрясся.

„Шляпудолой, болванъ?“ повторилъ Король, „нето, берегись, велю тебя казнить!“

Илюшка безпокойно поглядывалъ на Червонную Кралю и переминался съ ноги на ногу. Кончилось тѣмъ, что вмѣсто хлѣба онъ съ испугу выкусилъ большой кусокъ изъ чашки.

А Червонная Краля не спускала глазъ съ Илюшки и вдругъ какъ закричить „что ему надо? зачѣмъ пришелъ?“

Илюшка еще пуще перепугался, — едва на ногахъ держится, даже башмаки растерялъ.

„Чего тебѣ надо, зачѣмъ пришелъ?“ повторилъ Король. „Сейчасъ отвѣчай, не то казнить велю тебя, трусишка негодный!“

„Я, ваше величество, бѣдный чело-

вѣкъ“, дрожащимъ голосомъ началъ Илюшка. „И только я садился за чай, и всего-то я съ недѣлю сидѣлъ, а можетъ и меньше—за хлопотами запамятовалъ!“

“Что ты городишь!“ крикнулъ на него Король.

Бѣдный Илюшка съ испуга выронилъ изъ рукъ чашку, хлѣбъ и палъ на колѣни:

„Я, ваше величество, бѣдный человекъ...“ началъ, было, онъ.

„И негодный болтунъ, пустомеля!“ огорошилъ его Король.

Тутъ захихикали и одобрительно захрюкали заморскія свинки; но ихъ тотчасъ укротили: сунули въ мѣшокъ, связали его и положили подъ скамью.

„Отъ тебя, я вижу, толку не добьешься, убирайся! Ну, живо, проваливай!“ сказалъ Король.

А Илюшка все лежитъ, припавъ лицомъ къ полу.

„Куда же мнѣ еще провалиться!“ жа-

лобно вопить бѣдняга, „ужь и такъ лежу!... ваше величество!“ вдругъ, съ отчаянія, вскрикнулъ онъ, нѣсколько приподнявъ голову, „окажите божескую милость, отпустите къ чаю!“ А самъ боязливо, изъ подлобья глядитъ на червонную кралю.

„Отпуститъ его!“ рѣшилъ Король.

Илюшка мигомъ вскочилъ и безъ башмаковъ—давай богъ ноги.

Приключ. Сони.

Вдругъ Соня слышитъ—рѣзкій голосъ зоветъ: „Соня!“

„Я здѣсь“ громко отвѣчаетъ удивленная Соня, вскакиваетъ на ноги и стремительно бросается впередъ.

Забывъ про свой огромный ростъ, она, въ попыхахъ, задѣла ногой скамью присяжныхъ. Скамья повалилась, и присяжные кувыркомъ полетѣли во всѣ стороны, карабкаясь и барахтаясь въ ужасномъ смятеніи.

„Ахъ, простите, извините... Это я нечаянно!“ жалобно завопила Соня и бросилась подбирать присяжныхъ и усаживать ихъ, какъ попало, по скамьямъ.

„Нельзя начинать допроса, покуда не будетъ все въ порядкѣ!“ строго выговорилъ Король и значительно взглянулъ на Сою.

Соня оглянулась на скамью присяжныхъ и видитъ, что въ торопяхъ она сунула бѣднаго Ваську-таракана вверхъ

ногами. Черномазенькій лежитъ на спинѣ и безпомощно болтаетъ ножками въ воздухъ.

Соня нагнулась, обернула его, осторожно взяла двумя пальцами за спинку, посадила на скамью, а сама думаетъ:

„А вы друзья какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь!“

И такъ ей стало смѣшно, что она едва удержалась, чтобы не расхохотаться вслухъ.

Лишь только присяжные нѣсколько пришли въ себя, они отыскали доски и грифеля и снова принялись усердно писать свои имена. Одинъ Васька не писалъ, а сидѣлъ, какъ одурѣлый. Соня стояла такъ близко къ нимъ, что могла заглядывать имъ въ доски и видѣла, что онѣ все исписаны одними именами.

Соня не выдержала и захихикала.

Въ эту минуту Король, который усерд-

но записывалъ что-то въ памятную книжку, вдругъ поднялъ голову, окинулъ взоромъ собраніе и крикнулъ: „молчаніе!“

Всѣ притихли.

Онъ опять заглянулъ къ себѣ въ книжку и говоритъ: „по статьѣ 42-й лица, превышающія установленную закономъ мѣру, не могутъ присутствовать въ засѣданіи присяжныхъ. Соня, удались! въ тебѣ сажень росту. Ты превышаешь мѣру“. Всѣ взглянули на Соню. И въ самомъ дѣлѣ она похожа была на колокольню посреди этого собранія, и надо было высоко поднимать голову, чтобы взглянуть ей въ лицо.

„Во мнѣ нѣтъ сажени“, защищается Соня.

„Есть“, говоритъ Король.

„Больше сажени!“ кричитъ Червонная Краля, „вонъ, вонъ, вонъ сейчасъ!“

„Сажень ли, двѣ ли сажени, это какъ вамъ угодно, а я изъ собранія не вый-

ду!“ горячится Соня. „И статьи такой вовсе нѣтъ, а сами вы ее сейчасъ сочинили!“

„Статья эта существуетъ съ поконъ-вѣка, изъ первыхъ первѣйшая“, гнѣвно возражаетъ Король.

„Ну, и выходить, что ваша статья не 42-я, а 1-я“, отвѣчаетъ Соня, все болѣе горячась.

Король поблѣднѣлъ и съ досадою захлопнулъ памятную книжку.

„Молчать!“

„Вздоръ! Не замолчу!“ закричала Соня внѣ себя.

„Снести ей голову!“ во все горло заорала Червонная Краля.

Никто не двинулся.

„Очень я васъ боюсь!“ гордо и смѣло сказала Соня. „Всѣ то-вы колода картъ и больше ничего — годны развѣ только поиграть въ дурачки!“

Тутъ поднялась въ воздухъ, закружи-

лась и вихремъ налетѣла на Сою вся колода картъ.

Съ испуга и съ досады Соня вскрикнула, замахнулась на нее....

Ахъ!... что такое? Гдѣ она?... Лежить на травѣ, головой на колѣняхъ у сестры. Сестра осторожно смахиваетъ ей съ лица упавшіе съ дерева сухіе листья.

„Проснись, Соничка!“ тихо говоритъ сестра, „успокойся! ты, вѣрно, сонъ видѣла. Ужъ очень ты заспалась, душенька!“

„Ахъ, Катя! что за удивительный приснился мнѣ сонъ!“ И Соня, какъ умѣла, пересказала сестрѣ только что прочитанныя вами странныя странныя приключенія свои въ царствѣ дива.

